



**Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г.г.**



ще шагъ успѣха въ дѣлѣ изслѣдованія Центральной Азіи: долго пропадавшая столица Тангутскаго царства Си-си, наконецъ, открылась для науки...

Недавно исполненное мною двухлѣтнее путешествіе въ Центральной Азіи есть прямое продолженіе географическихъ изслѣдованій незабвеннаго Пржевальскаго, отправившагося во главѣ первой экспедиціи въ эту страну въ 1870 году. Въ теченіе почти сорокалѣтняго истекшаго періода совершенно восемь экспедицій; первыя четыре самѣмъ Н. М. Пржевальскимъ, остальные его послѣдователями Пѣвцовымъ, Роборовскимъ и мною. На мою долю выпало двѣ отвѣтственныхъ экспедицій; всѣхъ же путешествій мною исполнено пять. Последняя экспедиція Пржевальскаго была моею первой, и нынѣ истекло ровно четверть вѣка съ тѣхъ поръ, какъ я впервые взялъ въ руки посохъ странника...

Задача Монголо-сычуаньской экспедиціи состояла, во-первыхъ, въ изслѣдованіи Средней и Южной Монголіи, во-вторыхъ, въ дополнительномъ изученіи Кукунорской области съ оз. Кукуноромъ въключительно и, въ третьихъ, въ сборахъ естественно-историческихъ богатствъ сѣверо-западной Сычуани.

Въ составъ экспедиціи вошли, кромѣ меня, въ качествѣ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ: геологъ Московскаго университета А. А. Черновъ, корпуса военныхъ топографовъ капитанъ Напалковъ и собиратель растеній и насѣкомыхъ С. С. Четыркинъ. Конвой экспедиціи составили десять нижнихъ чиновъ — четыре московскихъ гренадера и шесть забайкальскихъ казаковъ; одинъ изъ первыхъ, ветеранъ Ивановъ, а изъ казаковъ препараторъ Телешовъ, еще раздѣлявшіе труды съ Н. М. Пржевальскимъ. Изъ прочихъ гренадеръ нашелся толковый наблюдатель метеорологической станціи, изъ среды же забайкальцевъ вышли довольно свосные переводчики китайскаго и монгольскаго языковъ.

Средства на экспедицію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 30,000 рублей, были дарованы Государемъ Императоромъ.

Десятаго ноября 1907 года экспедиція, съ валичными членами, оставила Москву. Никогда мнѣ не забыть послѣднихъ минутъ пребыванія на Курскомъ вокзалѣ и лицъ дорогихъ соотечественниковъ, сказавшихъ: „до свиданія на два года“. Подъ звуки Екатеринославскаго марша поѣздъ плавно отошелъ отъ перона; родной кружокъ остался въ отдаленіи, колеса загрохотали, звуки оркестра замерли. Поѣздъ врѣзался въ почную тьму и пошелъ обычнымъ ходомъ.

Впередѣ два года новой жизни полной невзгодъ, лишеній, но и полной заманчивой новизны.

Незамѣтно прокатили равнинную Россію, еще незамѣтнѣе промелькнулъ красивый Уралъ, а за нимъ степная или лѣсистая Сибирь... А вотъ и столица Сибири—Иркутскъ, резиденція генералъ-губернатора. Съ чувствомъ глубокой признательности вспоминаю я семью А. Н. Селиванова и представителей отдѣла Географическаго Общества, напутствовавшихъ меня въ далекую дорогу. Вѣчно холодная и вѣчно прозрачная стремительная Ангара еще не думала о ледяномъ покровѣ, равно и ея суровый отецъ Байкаль, грозно ударявшій о скалистые берега могучими волнами. Ночной мракъ и безконечные байкальскіе тоннели усиливали своеобразность впечатлѣній.

Въ Верхнеудинскѣ я съ А. А. Черновымъ пересѣлъ на лихую тройку и скоро докатилъ до границы отечественныхъ владѣній—городка Кяхты. Здѣсь прожили три недѣли слишкомъ въ неустанныхъ хлопотахъ, прежде нежели экспедиція приготовилась въ дорогу. Гостепріимные соотечественники встрѣтили и проводили насъ

самымъ дружественнымъ образомъ. Воспоминаніе о нихъ всегда вызываетъ во мнѣ чувство сердечной благодарности.

28 декабря (1907 г.) верблюжій караванъ гигантской амѣей растянулся вдоль главной улицы Кяхты, а черезъ четверть часа уже переступилъ родной порогъ и ходко зашагалъ по китайской территоріи. Мое сердце переполнилось великой радостью. Не вѣрилось, что началось настоящее путешествіе. Чувствовалъ ли духъ моего великаго учителя, что въ такую торжественную минуту и призывалъ его благословеніе!

„За Кяхтой тотчасъ начинается Монголія, сначала степная, далѣе горная, съ болѣе или менѣе массивными хребтами, еще богатыми растительнымъ и животнымъ міромъ. А тамъ и Урга, монгольская Лхаса, за которой фізіономія монгольской природы рѣзко измѣняется, горный рельефъ сглаживается, растительный покровъ бѣднѣетъ, населеніе рѣдѣетъ, въ особенности южнѣе горъ, составляющихъ восточное продолженіе Монгольскаго или Гобійскаго Алтая. Здѣсь уже настоящая пустыня — Гоби, развертывающаяся то въ видѣ гладкой песчало-каменистой скатерти, то въ видѣ складокъ мягкихъ или скалистыхъ холмовъ, по вершинамъ которыхъ, въ вечерніе часы, картинно играютъ отблески заката... Наконецъ, Южная Монголія, почти цѣлкомъ представляющая собою море сыпучихъ песковъ, по большей части, грядовыхъ меридіональныхъ бархановъ, нерѣдко поднимающихся въ высоту до сотни и болѣе футовъ“.

„Коренное населеніе Монголія, монголы, также видоизмѣнено, съ одной стороны физическими условіями природы, съ другой — большимъ или меньшимъ воздѣйствіемъ своихъ родовыхъ князей или китайцевъ. Въ сѣверной Монголіи путешественникъ наблюдаетъ номадовъ, еще гордящихся своими традиціонными удалью, молодечествомъ, щегольствомъ пестрыхъ нарядовъ, бойкими иноходцами, ихъ убранствомъ, своею лонкостью ѣзды, лихостью; монголы эти переносятъ мысленно къ временамъ, давно минувшимъ, къ тѣмъ временамъ, въ которыя они имѣли собственную исторію. Сохраненію монголами славнаго былого способствуетъ въ значительной степени ургинскій іерархъ — богдо-гэгэнъ и владѣтельные управители кошуновъ — монгольскіе князья, съ которыми китайцы поступаютъ учтиво, стараясь ихъ расположить къ двору богдохана. Монголы центральной части страны значительно уступаютъ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, но за то, нерѣдко, превосходятъ южныхъ обитателей, все болѣе и болѣе становящихся китайцами и по внѣшности, и по внутреннимъ качествамъ. Этими обитателями

національная жизнь забыта, родовой бытъ у нихъ исчезъ. Въ общемъ, съ нашей точки зрѣнія, бѣдна, незавидна жизненная обстановка монгола, бѣденъ и его внутренней міръ, хотя монголъ отличается отъ сосѣднихъ кочевниковъ тѣмъ, что достигъ сравнительно болѣе высокаго умственного развитія, имѣетъ собственные письмена, печатные законы, изучаетъ тибетскую грамоту, всецѣло преданъ вопросамъ религіи, словомъ, приблизился къ понятію о культурѣ, а все-таки номады представляютъ собою, по европейскимъ понятіямъ, низшую, уже отживающую стадию общечеловѣческаго развитія“.

...Подвечеръ, одиннадцатаго марта, 1908 года, когда караванъ Монголо-сычуаньской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества особенно успѣшно шагаль по слегка наклоненной къ Сого-нору центрально-монгольской равнинѣ, мы съ удовольствіемъ вперяли свой взоръ въ серебристую полосу ближайшей къ намъ береговой полосы указаннаго озера. При догоравшихъ лучахъ солнца, ярко скользившихъ по лону водъ, въ бинокль, отлично видѣлись стаи птицъ, темной сѣткой пролетающихъ надъ открытою частью бассейна. Забывались усталость, голодь и та пустыня, среди которой мы теперь находились. Какое-то особенно высокое чувство охватывало всю душу вашу, васъ самихъ и неудержимо влекло къ мѣсту, гдѣ жизнь весенней природы была ключемъ... Мы шли до сгущенныхъ сумерекъ и остановились на ночлегъ въ красивомъ виду Сого-нора, все еще ярко выдѣлявшегося среди общаго сѣраго фона окрестностей. Показалось и Боро-обо, сложенное на высокомъ пустынномъ сѣверномъ берегу озера. Тихо спустилась на землю весенняя ночь. Небо зажглось блестящими звѣздами.

На слѣдующій день, нетерпѣніе наше попасть на Сого-норъ еще болѣе увеличилось. Теперь ясно различались на горизонтѣ нѣжно-бѣлыя или серебристыя вереницы пролетающихъ цапель, лебедей, или обособленно сидящихъ на водѣ, чаекъ и крачекъ. Еще ближе, и мы слышали голоса птицъ, но самое озеро уже понемногу стало скрываться береговыми увалами. Вотъ, наперерѣвъ нашего пути, быстро пронеслось стадо газелей, испугавшихъ дикихъ ословъ или хулановъ, въ свою очередь, карьеромъ умчавшихся въ сторону пустыни. Съ послѣдней придорожной высоты открылась широкая полоса золотистыхъ прибрежныхъ камышей, среди которыхъ привольно паслись табуны торгоутскихъ лошадей. Нашъ караванъ, вѣроятно, заставлялъ обратить на себя вниманіе: къ одному

изъ табуновъ, съ западной стороны, подъѣхало двое вооруженныхъ всадниковъ...

Высокій камышъ, скрытая въ немъ озерки, темно-голубыя половья самого Сого-нора, обиліе пернатыхъ странниковъ, высоко и низко, близко и далеко пролетавшихъ надъ сѣрымъ пыльнымъ горизонтомъ и положительно выслушавшихъ своимъ всевозможнымъ крикомъ ближайшую окрестность—все это вмѣстѣ мнѣ живо напоминало весну, проведенную мною съ экспедиціей Н. М. Пржевальскаго на берегахъ Лобъ-нора. Какъ тогда, такъ и теперь меня поражало то необычайное оживленіе, которое вносилось птичьимъ базаромъ. И тамъ, и здѣсь меня одинаково притягивалъ къ себѣ этотъ базаръ и заставлялъ цѣлыми часами смотрѣть, любоваться на него. Глазамъ не вѣрилось, что по сосѣдству съ вами, въ какихъ-нибудь ста шагахъ, а не рѣдко и гораздо ближе, беззаботно лежать, стоять, плаваютъ, рѣзвятся, перелетая съ мѣста на мѣсто, стаи гусей, утокъ, лебедей, баклановъ, турпановъ, цапель, чаекъ и многихъ другихъ. Всѣ эти птицы живутъ, радуются, хлопчуть для одной и той же цѣли—размноженія. Въ разгаръ перелета, даже ночью, лежа въ палаткѣ лагера, чувствуешь повышенную энергію пернатыхъ: то съ рѣзкимъ шумомъ крыльевъ быстро проносятся надъ бивуакомъ утки, то съ высоты неба раздаются голоса гусей, журавлей, то, иногда, среди ночной тишины гармонично льются чарующіе звуки музыкальнаго лебедя...

При юго-восточномъ заливѣ Сого-нора было такъ хорошо, такъ дышалось по-весеннему, что мы на время, казалось, совсѣмъ забыли про Хара-хото и незамѣтно провели здѣсь почти четыре дня. Хотѣлось и слѣдовало прожить дольше, но огромность новаго пустынного пути къ Алашаню, работы въ Хара-хото и неизвѣстность отношеній Торгоуть-байла тянула на Эцзинъ-голь, въ урочище Торайонца, куда мы и перенеслись бивуакомъ въ два послѣдующихъ перехода, выдержавъ въ дорогѣ, шестнадцатаго марта, сильную бурю, шедшую съ юго-востока пустыни. Окрестность, вдругъ, заволокло густою пылью, омрачившей воздухъ и сократившей горизонтъ до полуверсты. По равнинѣ потянулись длинныя песчанныя полосы, напомнившія нашу поземку. Периодически, встрѣчные порывы бури спирали дыханіе, песокъ слѣпилъ глаза, не давая возможности ступить шагу; не только мелкій песокъ, но даже и крупныя песчанныя зерна высоко взвивались въ воздухъ и до чувствительной боли хлестали въ лицо сидящимъ верхомъ на верблюдѣ. Съ гребней придорожныхъ бархановъ песокъ сдувало массамаи и видоизмѣняло ихъ второстепенныя очертанія.

Рѣка Эцзинъ-голь, берущая начало въ снѣговыхъ поляхъ величественнаго Нань-Шаня, стремительно несется къ сѣверу, борясь съ горячимъ дыханіемъ пустыни почти на протяженіи пятисотъ верстъ, прежде нежели окончательно погибнетъ, разлившись въ два бассейна Сого-норъ и Гашунъ-норъ. Въ нижнемъ теченіи, долина этой рѣки обитаема монголами, торгоутами, пришедшими сюда изъ Чжунгаріи, съ Кобукъ-сайра, около 450 лѣтъ тому назадъ, когда еще дѣйственные эцзинголскіе берега были покрыты непроходимыми чащами лѣса, который торгоуты жгли въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, чтобы образовать свободныя площади для пастбищъ. Эцзинголскіе торгоуты управляются родовымъ княземъ, бэйлэ, имѣющимъ главную ставку въ системѣ западнаго рукава рѣки—Моринъ-гола, отстоящую верстахъ въ десяти отъ нашего лагеря, на правомъ берегу восточнаго рукава—Мунунгинъ-гола.

Современный бэйлэ наследовалъ не отцу, а старшему брату, говорятъ, скоропостижно умершему не безъ грѣха младшаго брата, честолюбиваго, скупого, жестокаго человѣка, ставшаго такимъ образомъ управителемъ хошуна. Вотъ этотъ-то торгоутъ-бэйлэ и явился теперь къ намъ, чтобы познать насъ и узнать нашу дальнѣйшую цѣль. Послѣ одного-двухъ свиданій, мы стали пріятелями. Мое желаніе побывать въ Хара-хото<sup>1)</sup> и произвести тамъ раскопки, а затѣмъ изслѣдовать историческій пустынный путь, ведущій въ Алаша-ямынь, со стороны торгоутъ-бэйлэ не встрѣтило затрудненій, наоборотъ, мѣстный управитель оказалъ довольно существенное содѣйствіе. Съ своей стороны, мы одарили князя и его семью подарками, равно сдѣлали подношеніе и мѣстному монастырю, въ рядахъ монаховъ котораго стоятъ и старшій сынъ бэйлэ.

Первый разъ мы отправились въ Хара-хото, сравнительно, налегкѣ, девятнадцатаго марта, и пробыли тамъ около недѣли. Насъ сопровождалъ отличный проводникъ Бата, много разъ бывавшій въ мертвомъ городѣ и не мало слышавшій рассказовъ о немъ изъ устъ

<sup>1)</sup> Первые свѣдѣнія о развалинахъ Хара-хото, подъ названіемъ, впрочемъ, „развалинъ города Эргэ-хара-бурюкъ“, мнѣ были извѣстны изъ труда нашего почтеннаго путешественника Г. Н. Потанина („Тавгутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія“. Томъ I), который на страницѣ 464 этой книги пишетъ: „Изъ памятниковъ древности (торгоуты) упоминаютъ развалины города Эргэ-хара-бурюкъ, которыя находятся въ одномъ двѣ бяды къ востоку отъ Кунделенъ-гола, т. е. отъ самаго восточнаго рукава Едзива; тутъ, говорятъ, виденъ небольшой кэримъ, т. е. стѣны небольшого города, но вокругъ много слѣдовъ домовъ, которые засыпаны пескомъ. Разрывая песокъ, находятъ серебряныя вещи. Въ окрестностяхъ кэрима большіе сыпучіе пески, и воды близко вѣтъ“.

отца и другихъ мѣстныхъ стариковъ. Онъ повелъ насъ кратчайшею дорогою, въ юго-восточномъ направленіи; Хара-хото отстоялъ отъ нашей стоянки въ двадцати верстахъ. Вскорѣ за растительной полосой Мунунгинъ-гола потянулась пустыня частью равнинная, съ оголенными блестящими площадями, частью пересѣченная болѣе или менѣе высокими холмами, поросшими тамарискомъ и саксаудомъ. Съ половины пути уже начали попадаться слѣды земледѣльческой или осѣдлой культуры—жернова, признаки оросительныхъ канавъ, черепки глиняной и фарфоровой посуды и проч. Но насъ больше всего занимали глинобитныя постройки, въ особенности субурганы, расположенныя по одному, по два, по пять вдоль дороги, изстари проходящей къ Хара-хото—этому памятнику прошлаго, засыпаемому пескомъ пустыни. За три версты мы пересѣкли древнее сухое русло съ валявшимися по немъ сухими, обточенными временемъ, стволами деревьевъ, нерѣдко засыпанными тѣмъ же пескомъ, точь въ точь какъ я наблюдалъ въ окрестности Лобъ-нора, при пересѣченіи старинныхъ мертвыхъ руслъ Конче-дарьи. Отсюда же или немного раньше показался и самый городъ Хара-хото, надъ сѣверо-западнымъ крѣпостнымъ угломъ котораго возвышался главный субурганъ изъ ряда меньшихъ сосѣднихъ, устроенныхъ также на стѣнѣ и рядомъ со стѣною, внѣ крѣпости. По мѣрѣ приближенія въ городу, черепковъ посуды стало попадаться больше, видъ на городъ заслонился высокими песчаными буграми; но вотъ мы поднялись на террасу, и нашимъ глазамъ представился Хара-хото во всей виѣшней прелести.

Наблюдателя, вѣдущаго съ западной стороны Хара-хото, занимаетъ небольшая постройка, съ куполообразнымъ верхомъ, расположенная въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ юго-западнаго угла крѣпости, напоминающая собою нѣчто въ родѣ мусульманскаго молитвеннаго зданія—мечети. Еще нѣсколько минутъ, и мы вошли во внутрь мертваго города, въ западныя его ворота, устроенныя по діагонали съ другими послѣдними воротами, въ восточной стѣнѣ города. Здѣсь мы встрѣтили квадратный пустырь—сторона квадрата равняется одной трети версты,—пересѣченный высокими и низкими, широкими и узкими развалинами построекъ, поднимающихся надъ массою всевозможнаго мусора, включая сюда и возвышеніе съ черепками глиняной и фарфоровой посуды. Тамъ и сямъ стояли субурганы; не менѣе рѣзко выдѣлялись и основанія храмовъ, сложенные изъ тяжелаго прочнаго кирпичя. Невольно мы прониклись чувствомъ предстоящаго интереса, чѣмъ будемъ вознаграждены въ трудахъ своихъ по отношенію къ наблюденіямъ и раскопкамъ всего того, что теперь насъ окружало.

Нашъ лагерь пріютился въ серединѣ крѣпости, подлѣ развалинъ большого, двухъ этажнаго глинобитнаго зданія, къ которому, съ южной стороны, примыкалъ храмъ, разрушенный также до основанія. Не прошло и часа времени съ прихода экспедиціи, какъ внутренность мертвой крѣпости ожила: въ одной сторонѣ копали, въ другой намѣряли и чертили, въ третьей и четвертой сновали по поверхности развалинъ. Набивуакъ прибѣжала пустынная птичка—сочечка (*Podoces Hendersoni*), громко затрещавшая, усѣвшись на вѣтку саксаула; ей вѣжно откликнулся хорошій пѣвецъ пустыни—чеканъ-отшельникъ; гдѣ-то прозвучалъ голосъ песчанки... И здѣсь, на этихъ мертвыхъ развалинахъ, несмотря на безводіе, нѣтъ абсолютнаго отсутствія жизни... Вслѣдствіе того же безводія мы должны были привезти съ собою всѣ наши сосуды, наполненные водою, при чемъ этотъ питьевой продуктъ нужно было беречь въ цѣлахъ пребыванія на развалинахъ, возможно долгій срокъ. Въ интересныхъ занятіяхъ время бѣжало быстро, неуловимо. Полуясный, сѣренькій и обыкновенно вѣтренный день скоро смѣнялся тихой, ясной ночью, налагавшею на развалины суровый, мрачный отпечатокъ. Усталые, мы также скоро засыпали; немногіе изъ насъ съ вечера, впрочемъ, еще развлекались непріятнымъ голосомъ сыча, злобѣще кричавшаго съ вершины главнаго субургава.

Абсолютная высота Хара-хото опредѣлялась въ 2.700 футовъ. Географическія же координаты:—широта  $41^{\circ} 45, 40''$ ,—долгота отъ Гринвича  $101^{\circ} 5, 14. 85''$ .

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на развалинахъ Хара-хото, экспедиція обогатилась всевозможными предметами: книгами, письменами, бумагами, металлическими и бумажными денежными знаками, женскими украшеніями, ковчѣмъ изъ домашней утвари и обихода, необходимыми принадлежностями торговцевъ, образцами буддійскаго культа и друг.; переводя въ количественное отношеніе, мы собрали археологическаго матеріала, размѣщеннаго въ десять посылочныхъ пудовыхъ ящиковъ, приготовленныхъ затѣмъ къ отправленію въ географическое общество и академію наукъ. Кромѣ того, пользуясь хорошимъ дружелюбнымъ отношеніемъ къ экспедиціи торгоутъ-бэйла, я тотчасъ же отправилъ монгольской почтой въ Ургу и далѣе въ Петербургъ, въ нѣсколькихъ параллельныхъ пакетахъ, навѣстіе о фактическомъ открытіи Хара-хото, найденныхъ коллекціяхъ и приложилъ образцы письма и иконописи для скорѣйшаго изученія и опредѣленія. Намъ сильно занималъ вопросъ, когда существовалъ „Мертвый городъ“, и кто были его обитатели.

По словамъ современныхъ или нынѣ живущихъ торгоутовъ, ихъ



предки наши нашли развалины Хара-хото въ томъ же видѣ, въ какомъ они представлялись и намъ, т. е. городъ китайскаго типа, съ высокой глинобитной стѣной, ориентированной по странамъ свѣта, расположенный на острововидной террасѣ, нѣкогда омываемой съ сѣвера и юга водами Эцзинь-гола. Остатокъ водъ уносился въ восточномъ направленіи въ пустыню, въ солончаково-песчаную котловину Хадан-хошу, лежащую на линіи общей съ нынѣшними бассейнами Согонорь и Гашунь-норь, впадины. Мѣсто головы сухого мертвого русла рѣки отмѣчено урочищемъ Ботокъ-беэрекъ. Непосредственно къ городу, къ его восточной стѣнѣ и воротамъ, прилегаютъ развалины значительнаго пригорода, разбитаго на правильныя улицы, подобно тому, какъ это выражено и внутри харахотоскихъ стѣнъ. Послѣднія присыпаны пескомъ сосѣдней пустыни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько обильно, что безъ особеннаго труда можно подняться на ихъ вершину и спуститься—проникнуть внутрь крѣпости или выйти изъ нея. Даже наши неуклюжіе верблюды и тѣ, порою, забирались на вершину стѣны и по ней свободно расхаживали въ разныя стороны.

Народное преданіе о „Хара-хото“ или „Хара-байшэнь“, т. е. „Черный городъ“ или „Крѣпостной городъ“ гласитъ слѣдующее:

„Послѣдній владѣтель города Хара-хото батырь <sup>1)</sup> Хара-цзянь-цзюнь, опираясь на непобѣдимое свое войско, намѣревался отнять китайскій престолъ, вслѣдствіе чего китайское правительство принуждено было выслать противъ него значительный военный отрядъ. Цѣлый рядъ битвъ между императорскими войсками и войсками батыря Хара-цзянь-цзюня произошелъ къ востоку отъ Хара-хото, около современныхъ сѣверныхъ алашаньскихъ границъ, въ горахъ Шарцза, и былъ неудачнымъ для послѣдняго. Имѣя перевѣсъ, императорскія войска заставили противника отступить и, наконецъ, укрыться въ послѣднемъ его убѣжищѣ, Хара-байшэнь, который и обложили кругомъ. Долго ли продолжалась осада крѣпости, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ крѣпость взята была не сразу. Императорскія войска, не имѣя возможности взять Хара-хото приступомъ, рѣшили лишить осажденный городъ воды, для чего рѣку Эцзинь-голь, которая, какъ то и замѣчено выше, въ то время протекала по сторонамъ города, отвели влѣво, на западъ, запрудивъ прежнее русло мѣшеами, наполненными пескомъ. И понынѣ тамъ еще сохранилась запруда эта въ видѣ вала, въ которомъ торгоуты еще недавно находили остатки мѣшковъ.

<sup>1)</sup> Монгольское названіе—богатырь.

„Лишенные рѣчной воды, осажденные начали рыть колодезь въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, но, пройдя углубленіемъ около восьмидесяти чжанъ—чжанъ равенъ нашимъ пяти аршинамъ—воды все-таки не отыскали. Тогда батырь Хара-цзянь-цзюнь рѣшилъ дать противнику послѣднее генеральное сраженіе, но на случай неудачи онъ уже заранѣе использовалъ выкопанный колодезь, скрывъ въ немъ свои богатства, которыхъ, по преданію, было не менѣе восьмидесяти арбъ или телѣгъ, по 20—30 пудовъ груза въ каждой, это одного серебра, не считая другихъ цѣнностей, а потомъ умертвилъ двухъ своихъ женъ, а также сына и дочь, дабы непріятель не надругался... Сдѣлавъ означенныя приготовленія, батырь приказалъ пробить брешь <sup>1)</sup> въ сѣверной стѣнѣ, вблизи того мѣста, гдѣ скрывъ свои богатства. Образованной брешью онъ во главѣ съ войсками устремился на непріятеля. Въ этой рѣшительной схваткѣ Хара-цзянь-цзюнь погибъ и самъ и его до того времени считавшееся „непобѣдимымъ“ войско. Взятый городъ императорскія войска, по обыкновенію, разорили до тла, но скрытыхъ богатствъ не нашли. Говорятъ, что сокровища лежатъ тамъ до сихъ поръ, несмотря на то, что китайцы сосѣднихъ городовъ и мѣстные монголы не разъ пытались овладѣть ими. Неудачи свои въ этомъ предпріятіи они всецѣло приписываютъ заговору, устроенному самимъ Хара-цзянь-цзюнемъ; въ дѣйствительность сильнаго заговора туземцы вѣрятъ въ особенности послѣ того, какъ въ послѣдній разъ искатели клада вмѣсто богатствъ отрыли двухъ большихъ змѣй, ярко блестящихъ красной и зеленой чешуями“...

Послѣ работъ на развалинахъ Хара-хото мы приступили къ изслѣдованію исторической дороги, ведущей въ Алаша-ямынь, отстоявшій отъ низовья Эцзинъ-гола, приблизительно, въ 570 верстахъ въ юго-восточномъ направленіи. Передъ нами опять развернулась монгольская пустыня во всѣхъ своихъ формахъ. Вначалѣ, мы долгое время шли по ханхайскимъ отложеніямъ. На сѣверѣ темнымъ валомъ залегали высоты Эргу-хара, къ югу отъ него поднимались мощные сыпучіе барханы, отливавшіе характерной желтизной, пески. Въ серединѣ, въ наиболѣе глубокой части котловины, въ прекрасномъ урочище Гойцзо, мы встрѣтили настоящій оазисъ: достаточное обиліе воды и пышную камышевую заросль. Въ миниатюрѣ повторилась картина Сого-нора. И здѣсь пернатые странники давали о себѣ знать днемъ и ночью; и здѣсь частые выстрѣлы нашихъ охотниковъ будили дремавшую окрестность. Весеннее

<sup>1)</sup> Которая существуетъ и понынѣ.

солнышко чаще и чаще ласкало насъ. Проснулись жуки, мухи; забѣгали ящерицы; поползли противныя змѣи. Кустарники прудорожныхъ уваловъ ласкали глаза свѣтло-розовыми или золотисто-желтыми цвѣтами, подлѣ которыхъ парѣдка проносились первыя бабочки. Отдаленный юго-восточный горизонтъ синѣлъ грядями горъ, издали сливавшимися въ одну общую массу. Мы шли, сравнительно, скоро, отсчитывая время шагами; теперь участники экспедиціи говорили только объ Алаша-ямынѣ, Алашанскомъ хребтѣ, который еще скрывался туманной или пыльной дымкой.

Въ глубинѣ пустыни мы были пріятно удивлены любезнымъ привѣтствіемъ алаша-цинъ-вана, приславшаго къ намъ навстрѣчу двухъ чиновниковъ съ хлѣбомъ-солью и для оказанія содѣйствія въ дорогѣ. Кстати, подошелъ праздникъ святой пасхи, который, такимъ образомъ, мы проводили съ эвзянголскими и алашанскими монголами. Передъ завтракомъ мы пропѣли хоромъ извѣстный тропарь „Христосъ Воскресе“... а послѣ—исполнилъ его много разъ граммофонъ. Вечеромъ, до позднихъ часовъ, нашъ лагерь былъ оживленъ подѣ впечатлѣніемъ музика и пѣнія отечественныхъ артистовъ, переносившихъ насъ мысленно на родину. Нѣкоторые изъ туземцевъ оказались большими любителями звуковъ граммофона и не расходились до тѣхъ поръ, пока граммофонъ не смолкнулъ. Алашанцы, между прочимъ, привезли намъ извѣстіе, что нашъ транспортъ благополучно прибылъ въ Алаша-ямынь и жаждалъ нашего возвращенія.

Семнадцатаго апрѣля, при одномъ изъ пустынныхъ колодцевъ—„Цакалдэктэ“ или „Ирисъ“ мы выдержали сильный сѣверо-западный снѣжный штормъ, понизившій температуру до—4,8° С и парализовавшій весеннее возрожденіе органической жизни. Какъ впоследствии выяснилось, буря эта губительно пронеслась черезъ оазисъ Дынъ-юанъ-инъ и западный склонъ Алашанскихъ горъ, о которыхъ и разбилась. Нижнее весеннее убранство оазиса поблекло: сирень отцвѣла въ своемъ зародышѣ; мелкія прилетныя пташки погибли. Прояснившійся было горизонтъ вновь потускнѣлъ отъ тонкой пыли, хотя съ вершины Байнъ-нуру мы уже видѣли силуэтъ Алашанскаго хребта, а еще черезъ два дня и самый оазисъ Дынъ-юанъ-инъ, котораго достигли 22-го апрѣля, найдя отличный пріютъ въ хорошемъ домѣ торговой фирмы русскаго вяхтинскаго купечества „Собенниковъ и братья Молчановы“. Представитель этой фирмы Цокто Гармаевичъ Бадмажановъ, спутникъ моего тибетскаго путешествія, встрѣтилъ насъ самымъ лучшимъ образомъ...

Отдохнувъ немного, мы принялись каждый за свое дѣло. Мои ближайшіе сотрудники, г. г. Черновъ и Напалковъ, раскинули съѣзды въ области алашанскихъ горъ и прилежащей къ нимъ съ востока долины Желтой рѣки. Четыркинъ и препараторы въскурсировали въ лучшихъ ущельяхъ Алашанскаго хребта, пополняя ботаническія и зоологическія коллекціи. Я былъ привязанъ къ главному бивуаку, къ складу, устройствомъ метеорологической станціи, сортировкой и упаковкой харахотоскихъ сборовъ и приведеніемъ въ порядокъ дневниковъ и журналовъ.

Алаша-цинь-ванъ, для котораго мы имѣли спеціальныя подарки, при встрѣчѣ съ нами оказался такимъ же предупредительнымъ и любезнымъ, какъ и прежде. И на этотъ разъ онъ угостилъ насъ отличнымъ обѣдомъ и китайскимъ театральнымъ представленіемъ. И теперь его взрослые сыновья были чуть не ежедневными нашими посѣтителями. Населеніе Дынъ-юань-ина относилось къ намъ также дружелюбно, давая возможность наблюдать и изучать мѣстные характерныя монгольскія особенности.

„До прихода монголовъ въ Алашань или „Алаша“, какъ говорятъ мѣстные коренные обитатели, извѣстный подъ этимъ названіемъ районъ, ограниченный на востокѣ и югѣ культурной полосой китайскаго населенія, на западѣ кочевьями эцзинголскихъ торгоутовъ, на сѣверѣ землею монголовъ Халхи и, наконецъ, на сѣверо-востокѣ кочевьями уротовъ, оставался не заселеннымъ, хотя черезъ него и были проложены дороги по всѣмъ направленіямъ.

„Въ началѣ царствованія второго богдохана царствующей нынѣ въ Китаѣ династіи, въ Илійскомъ краѣ произошли среди олотовъ безпорядки и около тысячи семействъ, во главѣ съ однимъ тайчи, вынуждены были бѣжать съ Иля въ Алаша. Бѣглецы поселились главнымъ образомъ въ горахъ Ябарай, откуда производили лихіе набѣги за Алашанскій хребетъ, равно къ сѣверу и западу отъ своего главнаго стана. Нападая на осѣдлыхъ китайцевъ, они въ то же время не пропускали ни одного каравана монголовъ или торгоутовъ, направлявшихся въ ту или другую сторону. Подобно могучему пауку, вонзавший тайчи опуталъ пески съѣздовъ и быстро посылалъ подкрѣпленіе въ нужный районъ пустыни. Такъ длилось двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ пришельцы главною массою никогда не разставались съ горами Ябарай. За этотъ промежутокъ времени китайскія власти пытались если не усмирить совершенно, то хотя бы наказать дерзкихъ олотовъ, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Однако тайчи и его ближайшій совѣтникъ, извѣстный подъ кличкою „ганцы-вюдутэй-лама“, т. е. „Одноглазый лама“, видѣли, что рано или поздно имъ при-

дется поплатиться за разбой, и чтобы обезпечить себя въ будущемъ спокойное владѣніе занятыми землями, рѣшили принести повинную богдохану.

„Во время правленія Китаемъ богдоханомъ Канъ-си, современникомъ Петра Великаго, Одноглазый лама, въ сопровожденіи болѣе или менѣе вліятельныхъ олтвовъ, отправившись въ Пекинъ и чистосердечно сознались во всѣхъ своихъ проступкахъ, въ грабежахъ и разбояхъ, объяснивъ все это крайнею нуждою, заставившею ихъ искать себя пропитаніе этимъ путемъ. Но убѣдившись, что жить такимъ преступнымъ образомъ не хорошо, они явились просить устроить ихъ законнымъ порядкомъ на заселенныхъ алашаньскихъ мѣстахъ. Повинная была принята, проступки прощены.

„Тайчжи былъ награжденъ званіемъ „бэйлэ“ и штатомъ управленія, соответствующимъ новому его положенію. Монголы бросили грабежи и перешли къ мирному занятію—скотоводству. Богдоханъ избавилъ населеніе „песчаной страны“ отъ всякихъ повинностей и податей. Эти привилегіи стали извѣстны въ окрестностяхъ, и въ хошунъ бэйлэ потянулись монголы отовсюду съ имуществомъ, стадами, и населеніе стало быстро разрастаться.

„Во время управленія хошуномъ четвертаго бэйлэ, въ провинціи Гань-су вспыхнуло дунганско-саларское возстаніе, и алашаньскіе монголы должны были, по повелѣнію богдохана, принять дѣятельное участіе въ подавленіи мятежа. Алашаньскій бэйлэ освободилъ Лянчжоу-фу и переградилъ движеніе саларовъ на Куку-норъ устройствомъ крѣпости, извѣстной подъ названіемъ Баръ-хото. Салары были не только задержаны, но и разбиты на голову.

„За этотъ подвигъ алашаньскій бэйлэ былъ пожалованъ княжескимъ титуломъ „цинъ-ванъ“, и тогда же богдоханъ выдалъ за него одну изъ дочерей.

„Отправляя въ Алашань свою дочь, богдоханъ подарилъ цинъ-вану, кромѣ приданого имуществомъ и людьми манчжурами, еще десять тысячъ ланъ серебра на устройство дворца въ укрѣпленіи Дынъ-юань-ниъ и столько же для раздачи монгольскому населенію. Такимъ образомъ китайскую принцессу сопровождалъ огромный поѣздъ, въ составъ котораго вошло сорокъ семействъ манчжуровъ, прежняя прислуга дочеря богдохана и цѣлая труппа актеровъ со всѣми принадлежностями для театральныя представленія. До этого времени алашаньскіе бэйлэ не имѣли постоянныхъ построекъ и жили въ юртахъ, кочуя съ мѣста на мѣсто со своими стадами.

„Къ прибытію принцессы, укрѣпленіе Дынъ-юань-ниъ, что значить „отдаленный инъ-фанъ“, было расширено: возвели новую городскую стѣну, внутри построили дворецъ со службами и театраль-

нымъ заломъ и пр. Торговля новаго городка быстро увеличивалась. Но зато, съ тѣхъ поръ, какъ алаша-ваны начали жениться на принцессахъ крови, стали увеличиваться и расходы на содержаніе огромнаго числа прислуги манчжуръ и на прихоти и роскошь при дворѣ вановъ. Населеніе Алаша бѣднѣло и уменьшалось. Въ послѣднее время не только сами ваны, но и всѣ ихъ сыновья вступаютъ въ бракъ съ китайскими принцессами, съ которыми по-прежнему прѣзжаетъ въ Дынъ-юань-ниъ многочисленная прислуга изъ манчжуръ.

„Собственно олѣтовъ въ Алаша имѣется теперь не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, то есть половины общаго населенія, другія же четыре тысячи состояются изъ пришельцевъ—халхасцевъ, торгоутовъ, харчинцевъ и прочихъ монгольскихъ народностей. Въ самомъ Дынъ-юань-ниѣ населеніе еще болѣе смѣшанное: оно состоитъ изъ двухсотъ семействъ манчжуровъ, почти столькихъ же (семействъ) китайцевъ, ста пятидесяти (семействъ) монголовъ, кромѣ того человѣкъ ста ламъ и около семидесяти кавалеристовъ, несущихъ службу при княжескомъ дворѣ.

„Если путешественникъ захочетъ видѣть въ восточномъ или южномъ Алаша чистокровнаго монгола-олѣта, въ его платьѣ и обстановкѣ, то онъ, едва-ли, удовлетворитъ свое желаніе. Алашаньцы этихъ частей сильно окитаивлись: и мужчины и даже женщины носятъ китайское платье, въ юртахъ завели китайскую обстановку, ѣдятъ китайскія кушанья изъ китайской посуды, поютъ китайскія пѣсни, а когда нужно, то и говорятъ по-китайски, хотя свой монгольскій языкъ, въ большей или меньшей чистотѣ, еще сохраняютъ, за исключеніемъ настоящихъ китайцевъ, вводящихъ въ разговорную рѣчь не только отдѣльныя слова, но даже и цѣлыя фразы. Особенно отражается китайская цивилизація на богатыхъ и чиновныхъ монголахъ, которые вмѣсто юртъ строятъ себѣ дома китайской архитектуры.

„При дворѣ алаша-вана слышна исключительно китайская рѣчь.

„Въ мѣстахъ наибольшаго соприкосновенія алашаньскихъ монголовъ съ китайцами, кочевой бытъ первыхъ понемногу утрачивается; за счетъ уменьшенія скотоводства эта часть населенія занимается земледѣліемъ и транспортировкой клади.

„Населеніе же болѣе удаленныхъ, глухихъ мѣстъ Алаша все еще старается сохранить монгольскій обликъ, занимаясь по-прежнему только скотоводствомъ. Но и здѣсь мужской элементъ начинаетъ одѣваться въ китайское платье, да и молодая модница также не прочь принарядить свои головы въ китайскіе платки, а ноги въ мужскіе китайскіе сапоги, сшитые изъ пльсы или ластика; пожилыя

же женщины еще упорно отстаивают свой національный костюмъ, въ особенности безрукавку—цэгэдэкъ, убранство головы и самую прическу.

„Кромѣ этихъ, такъ сказать, варужныхъ признаковъ окитай-валя, алашаньцы и по духу, и по привычкамъ, и по обычаямъ стали почти китайцами. Они переняли отъ китайцевъ ихъ важную осанку, манеру говорить, встрѣчать и провожать гостя со всѣми кытайскими церемоніями. Эти монголы уже перестали сиравлять праздники по-монгольски. Новый годъ празднуется по-кытайски. Скачекъ, борьбы и проч. здѣсь нѣтъ, но зато процвѣтаетъ пьянство; городское населеніе пристрастилось къ опиуму и азартнымъ играмъ на деньги. Постоянное общеніе съ китайцами, съ проѣзжими богомольцами и торговцами сдѣлало изъ алашаньцевъ пронырливыхъ, мелочныхъ, жадныхъ и наглыхъ торгашей, превзошедшихъ въ этомъ отношеніи даже китайцевъ<sup>1)</sup>“.

Алашаньскій хребетъ, на который монголы смотрятъ съ благоговѣніемъ, вытянутъ въ направленіи близкомъ къ меридіональному и гордо высится надъ сосѣдней равниной. Склоны его очень круты, гребень и ущелья скалисты, каменисты. Вслѣдствіе крутизны склоновъ влага мало задерживается, хотя въ растительномъ и животномъ отношеніяхъ онъ довольно богатъ и напоминаетъ собою уголки восточнаго Нань-шаня. Короче—Алашаньскій хребетъ, несмотря на неумѣлое эксплоатированіе его богатствъ, тѣмъ не менѣе служитъ большимъ подспорьемъ благосостоянію алашаньцевъ. Алашаньцы имъ справедливо гордятся и высшую вершину хребта—Бань-сумбуръ почитаютъ за святую. У большого обо, вѣнчающаго эту вершину, ежегодно, лѣтомъ, монголы собираются для отправленія богослуженій и обычныхъ празднествъ.

Два лучшихъ богатыхъ монастыри алашаньскаго хошуна устроены также въ алашаньскихъ горахъ. Одинъ изъ нихъ, Барунъ-хитъ, отстоитъ отъ Дынъ-юань-ини верстахъ въ тридцати, къ юго-востоку, другой, Цзунъ-хитъ, въ такомъ же разстояніи къ сѣверо-востоку. И тотъ, и другой монастыри расположены въ красивыхъ ущельяхъ, окаймленныхъ живописными скатами, по которымъ выступаютъ отвѣсныя скалы, перѣдко испещренныя мистическими формулами или даже самими божествами буддійскаго пантеона. Обо, часовни, субурганы придаютъ монастырскимъ уголкамъ не мало оригинальной прелести. Цзунъ-хитъ славится строгими правилами, порядкомъ

<sup>1)</sup> П. К. Козловъ. „Монголія и Камъ“. Томъ I, часть вторая, страница 674—679.

отправленія службъ, продолжая слѣдовать традиціямъ знаменитаго алашаньскаго ламы Дандаръ-лхарамбо, составившаго лучшую грамматику монгольскаго языка и также переведшаго не мало тибетскихъ книгъ на монгольскій. Барунъ-хитъ гордится памятью о пятomъ Далай-ламѣ, бывшемъ въ этомъ монастырѣ и нашедшемъ здѣсь мѣсто упокоенія. Въ одномъ изъ барунхитскихъ храмовъ стоятъ субурганъ (надгробіе), заключающій въ себѣ священные останки Цаннь-чжамцо...

Дождь, не перестававшій лить въ теченіе недѣли, задержалъ выступленіе каравана изъ Дынъ-юань-ина до 6-го іюля (1908 г.). Городской шумъ и суতোлка смѣнились глубокой тишиной пустыни. Обмытый воздухъ сдѣлался прозрачнымъ и давалъ возможность, съ одной стороны, слѣдить за Алашаньскимъ хребтомъ, его очертаніемъ, съ другой—за широко разстлавшейся къ западу песчаной равниной, скрывавшейся за горизонтомъ. Маршрутъ экспедиціи пересѣкль пустыню въ ея кратчайшемъ юго-западномъ направленіи, отрѣзая восточные мысы песковъ, простиравшихся къ вознястымъ высотамъ лѣваго берега Желтой рѣки. Нашъ караванъ состоялъ исключительно изъ верблюдовъ, тридцати головъ, успѣшно шагавшихъ по раскаленной песчаной поверхности.

За песками вскорѣ дорога втягивается въ глинисто-каменистыя высоты или холмы, а затѣмъ и въ горные края,—сѣверные отпрыски Нань-шаня, пересѣкая едва замѣтные слѣды Великой Стѣны у маленькаго захудалаго городишка Са-янъ-цзинъ, извѣстнаго мѣсто-пробываніемъ таможеннаго китайскаго чиновника.

Здѣсь впервые, послѣ Дынъ-юань-ина, мы нацѣлились хорошей воды. Отсюда пошло сплошное земледѣльческое населеніе вплоть до городишка Шара-хото, граничащаго съ переваломъ того же имени, откуда начинается кукунорскій бассейнъ, дающій приволье номадамъ.

Съ каждымъ днемъ движенія по восточному Нань-шаню, воздухъ становился прозрачнѣе, небо синѣе, растительность наряднѣе, зеленѣе... Только оглянувшись назадъ, на сѣверъ, висѣвшая надъ равниной пыльная дымка напоминала о пустынѣ. Съ Чагрынской степи, съ высотъ городка Сун-шан-чена<sup>1)</sup>, мы уже любовались мас-

<sup>1)</sup> Въ этомъ городѣ пріютился небольшой буддйскій монастырь, во главѣ котораго стоитъ симпатичный гэгэнъ Нан-чжекъ, который, на собственные средства, устроилъ очень нарядный храмъ. Съ этимъ свиттелемъ мы очень скоро сошлись, такъ какъ у меня съ нимъ нашлось немало общихъ пріятелей,—старѣйшихъ ламъ нальшаньскихъ монастырей. При разставаніи мы обмѣнялись подарками; гэгэнъ поднесъ мнѣ превосходное металлическое изображеніе Дарха,—богини.



сивыми цѣпями горъ, въ особенности въ юго-западномъ направленіи, гдѣ скрывалась стремительная горная рѣка Тэтуингъ, которая неоднократно была посѣщена незабвеннымъ Н. М. Пржевальскимъ. Тамъ не только среднія, но и окраинныя цѣпи богаты кристаллическими выходами въ видѣ острыхъ вершинъ, пиковъ или мощныхъ скалъ, громоздящихся одна на другую въ живописномъ, чарующемъ глазъ, величіи. Восточнѣе, на нашемъ пути черезъ Пин-фань, скалистые цѣпи понизились, расплывшись на много второстепенныхъ луговыхъ грядъ, съ верха до низа занятыхъ пашнями китаѣцевъ. Еще сравнительно недавно здѣсь былъ пустырь, напоминавшій о грозномъ дунганскомъ возстаніи; нынѣ же почти все заполнено населеніемъ; положительно нѣтъ свободнаго необработаннаго клочка, пригоднаго подъ пашни. Колесныя дороги глубоко врѣзаны въ лесовыя толщи и бороздятъ поверхность трапшеями, въ которыхъ встрѣчнымъ путникамъ очень трудно, а мѣстами даже невозможно развѣхаться.

Города или населенные пункты вообще на пути слѣдованія каравана ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ прочихъ городовъ Западнаго Китая, уже хорошо извѣстныхъ изъ описаній прежнихъ путешественниковъ. И здѣсь города обнесены каменными или глинобитными стѣнами, и здѣсь въ городахъ группируются администрація, гарнизоны, торговцы, ремесленники и проч. И здѣсь управленія и базары въ теченіе дней полны народомъ. Можно утвердительно сказать, что китайскіе города, съ давнихъ временъ, созданы и продолжаютъ создаваться по одному шаблону; достаточно видѣть одинъ-другой населенный пунктъ, чтобы правильно судить о прочихъ. Неодинаковы лишь величины городскіхъ участковъ и мощность или солидность городскіхъ стѣнъ.

Во время нашего прохожденія по Нань-шаню, во второй половинѣ іюля, въ долинахъ, а также въ нижнихъ и среднихъ поясахъ прилежащихъ горныхъ скатовъ приступали къ уборкѣ хлѣбовъ. Поля были оживлены народомъ: на нихъ работали и мужчины, и женщины. Отъ палящихъ лучей солнца селяки укрывались широкими соломенными шляпами. Деревни, какъ и у насъ на родинѣ, оставались на попеченіи старыхъ и малыхъ.

Въ концѣ іюля мѣсяца экспедиція приблизилась къ Синину и расположилась лагеремъ въ восточномъ предмѣстьѣ города, въ небольшой деревушкѣ Цавъ-дя-цзай.

Сининъ—большой областной городъ, съ резиденціей китайскаго сановника Цин-цай'я, вѣдающаго не только номадами Куку-нора, но и номадами отдаленнаго сѣверо-восточнаго Тибета.

Чтобы успѣшнѣе и скорѣе покончить со всѣми занятіями въ Сяиниѣ, я налегѣ, съ двумя переводчиками, перебрался въ этотъ городъ, найдя пріютъ въ китайской торговой фирмѣ Цянь-тай-мао, знакомой мнѣ еще по моему минувшему тибетскому путешествію. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ въ Сяиниѣ, мнѣ удалось разрѣшить всѣ вопросы въ положительномъ смыслѣ. Сяиниѣ уже за нѣсколько мѣсяцевъ былъ освѣдомленъ о нашей экспедиціи. Китайская администрація встрѣтила меня весьма любезно и изъявила готовность помочь мнѣ въ предстоящемъ посѣщеніи озера Куку-нора, хотя всѣ власти въ одинъ голосъ твердили: „Вы знаете, что времена измѣнились, что многіе тангуты и тибетцы вооружены скорострѣлками, что эти „дикари“ чаще, нежели прежде, собираются разбойничьими цайками, нападаютъ на караваны и немилосердно разграбляютъ ихъ... Пожалуйста, не ходите на Куку-норъ... Тангуты не оставятъ васъ въ покоѣ, произойдутъ непріятности, которыя доставятъ много хлопотъ всѣмъ намъ“. Цинь-цай же зашелъ еще дальше. Изъ продолжительной бесѣды со мной онъ узналъ, между прочимъ, что мы собираемся плавать по Куку-нору и что для этой цѣли имѣемъ въ своемъ распоряженіи брезентную складную лодку. Китайскій сановникъ даже подпрыгнулъ въ креслѣ и, повысивъ голосъ, сталъ утверждать, что это безуміе, такъ какъ кукунорская вода особенная,—въ ней не только камень, но и дерево тонетъ. „Поѣдете, сами увидите; къ тому же,—продолжалъ Цинь-цай,—на островѣ „Хайсинь-шань“, или въ переводѣ „Морская новая гора“, какъ называютъ китайцы Куйсу, никого теперь нѣтъ, паломники собираются только зимой“. Съ своей стороны я очень благодарилъ почтеннаго сановника за любезную предупредительность, но не могъ не замѣтить ему, что теперь имѣю еще большее намѣреніе посѣтить Куку-норъ, чтобы убѣдиться въ справедливости его необычнаго свойства — поглощать на дно сухія деревья... Послѣ этого Цинь-цай сказалъ: „Хорошо, и все сдѣлаю для облегченія вашей поѣздки на Куку-норъ,—напишу кошуннымъ начальникамъ, снабжу васъ конвоемъ, но буду просить васъ выдать мнѣ бумагу, что вы, не взирая на мои предупрежденія и вѣжливые уговоры, тѣмъ не менѣе, идете и отвѣчаете сами лично за всѣ тяжелыя послѣдствія, могущія произойти отъ посѣщенія Куку-нора“.

Знакомый съ подобнаго рода выдачей подвисокъ, я и на этотъ разъ удовлетворилъ желаніе строitivaго китайскаго чиновника, который сдержалъ слово по отношенію снабженія экспедиціи переводчикомъ китайско-монголо-тибетскаго языковъ и четырьмя кавалеристами, вскорѣ сдружившимся съ моими гренадерами и казаками.

Что же касается до сообщенія сяининскихъ чиновниковъ о

большой смѣлости и предприимчивости кукуворскихъ и другихъ тангутскихъ разбойниковъ, объ ихъ вооруженіи скорострѣлками, то въ этомъ мы уже имѣли случай сами убѣдиться, наблюдая ноочію большіе и малые разѣзды наньшаньскихъ тангутовъ, за плечами которыхъ красовались нѣмецкія или чаще японскія винтовки. Глядя на дѣкихъ энергичныхъ номадовъ, лихо проносящихся на рѣзвыхъ коняхъ съ европейскимъ оружіемъ, мыслишь, что не въ далекомъ будущемъ эти вольные сыны степей Куку-нора и Тибета станутъ грозными сосѣдями Китая. Сицинскіе китайцы это сознаютъ, какъ сознаютъ и собственное современное безсіліе и непремѣнную потребность въ возможно непродолжительномъ времени обучить и вооружить войска на европейскій ладъ.

Поковчавъ съ дѣлами въ Сининѣ, я отправилъ караванъ прямымъ путемъ въ Донгарь, самъ же, съ однимъ казакомъ, свернулъ къ югу съ цѣлью познакомиться съ большимъ амдоскимъ буддійскимъ монастыремъ, отстоящимъ отъ Синина въ одномъ переходѣ. Гумбумъ словно спрятанъ въ лессовыхъ складкахъ высокихъ холмовъ, непосредственно примыкающихъ къ еще болѣе высокому альпійскому хребту, южное подножіе котораго уже омывается стремительными волнами Желтой рѣки.

Монастырь Гумбумъ былъ основанъ около пятисотъ лѣтъ тому назадъ. Основаніе ему положилъ богдо-гэгэнъ, который затѣмъ совершилъ паломничество въ Тибетъ, въ Лхасу, гдѣ и остался на постоянное пребываніе; основанный же имъ монастырь поступилъ въ вѣдѣніе гэгэна Чжав (Ачка), считающаго себя въ наше время въ пятомъ перерожденіи.

Въ 12-ти гумбумскихъ храмахъ, говорятъ, находится шестьдесятъ три гэгэна (перерожденца), вѣдающихъ монастырской братіей въ двѣ слишкомъ тысячи человекъ. Главнѣйшихъ храмовъ четыре, которые были спасены отъ дунганскаго разгрома монастырскими силами, — молодыми, фанатичными ламами, отлично сражавшимися, съ оружіемъ въ рукахъ, съ дерзкимъ непріателемъ.

Древніе, солидные храмы сваружи роскошно блестятъ золочеными кровлями и ганчжурами, внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшаго монгольскаго, тибетскаго и даже индійскаго изготовленія. Особенно пышенъ и чтимъ храмъ „Золотой субургайъ“ (субурганъ—надгробіе), передъ которымъ молящіеся простраются ницъ и движеніемъ своихъ рукъ и ногъ, отъ времени, въ досчатомъ полу паперти сдѣлали большія углубленія, въ которыхъ свободно помещаются переднія части ступни съ пальцами и скользятъ руки при земныхъ растяжныхъ поклонахъ. Въ хоро-

шесть видѣ поддерживается и большой соборный храмъ, вмѣщающій до пяти тысячъ молящихся. При вступленіи на его паперть, меня поразило видѣ семи основательныхъ плетей, развѣшанныхъ по стѣнѣ, при чемъ наиболѣе основательная изъ нихъ была украшена голубымъ хадакомъ. Эти плети, какъ передавали мнѣ мѣстные обитатели и старѣйшіе изъ ламъ Гумбума, только и поддерживаютъ должный уставный порядокъ монастыря, монашествующей молодежи... Красивъ и богатъ также храмъ, стоящій рядомъ съ восемью бѣлыми субурганам<sup>1)</sup>, по преданію построенный на мѣстѣ спрятаннаго въ землю послѣда ребенка, а впоследствии знаменитаго реформатора буддизма Цзонъ-хавы.

Гумбумъ тщательно бережетъ своего рода музейскіе предметы, какъ-то: одѣянія далай-ламы, банчэнъ-эрдэни, Цзонъ-хавы, вромѣ того телѣгу банчэнъ-эрдэни, шапку реформатора и сѣдло богдохана съ трепещущимся у передней луки дракономъ.

Раннимъ утромъ, 6-го августа, я покинулъ Гумбумъ, а вечеромъ уже прибылъ въ Донгэръ, у южной окраины котораго, на островкѣ, омываемомъ рукавами мѣстной рѣчки, бѣлѣли шатры экспедиціи. Караванъ прибылъ сюда лишь наканунѣ моего возвращенія изъ Гумбума.

Такъ какъ начальникъ города Донгэра во-время получилъ официальное уведомленіе о нашей экспедиціи, то мы, кромѣ предупредительности и любезности съ его стороны, ничего не видѣли. Участники экспедиціи могли свободно разгуливать по городу, заходить въ любой магазинъ или лавку и вообще чувствовать себя какъ дома. Въ этомъ мѣновомъ городѣ особенно много толпилось на улицахъ кукунорскихъ тангутовъ и тангутокъ; послѣдніе заставляли обращать на себя вниманіе пестротой одеждъ и оригиналь-

<sup>1)</sup> Исторія основанія восьми субургановъ такова. Однажды въ Гумбумѣ, среди монаховъ, произошли крупныя безпорядки, продолжавшіеся довольно долгое время. Мѣстные и ближайшія власти не въ силахъ были установить порядокъ. Тогда изъ Пекина, по указу богдохана, въ Гумбумъ былъ командированъ принцъ-судья, отличавшійся своимъ рѣшительнымъ нравомъ. Прибывъ на мѣсто, строгій принцъ немедленно приступилъ къ разслѣдованію дѣла, изъ котораго убѣдился, что главными виновниками безпорядковъ являются извѣстные восемь гэгэновъ... Принцъ обратился къ перерожденцамъ съ слѣдующею рѣчью: „вы, гэгэны, все знаете—что было, что есть и, даже, что будетъ; скажите же мнѣ, когда вы должны умереть?“— Испуганные и повявшие свою тяжелую участь гэгэны отвѣтили: „завтра!“...— „Нѣтъ, рѣшительно проанесь принцъ, сегодня!“ и велѣлъ тотчасъ отрубить несчастнымъ головы. На мѣстѣ казни гэгэновъ ламы и поставили эти восемь субургановъ или надгробныхъ памятниковъ.

постью спивныхъ украшеній, въ видѣ двойныхъ—тройныхъ дентъ, богато убранныхъ монетами, ражовинами, гау, бирюзой и проч. Еще большее оживленіе вносили тангутскіе всадники, въ карьеръ мчавшіеся по улицѣ въ полномъ вооруженіи. Гордые, надменные степняки ничего и никого не боялись, наоборотъ, скорѣе внушали страхъ и приниженность у мѣстныхъ китайцевъ.

Дождь опять задержалъ наше выступленіе (на Куку-норъ) на нѣсколько лишнихъ дней, до 12-го августа, когда, наконецъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. На третій день перехода, съ соседней перевалу Шара-хотулъ вершины, экспедиція радостно привѣтствовала мигко-голубую поперхность Куку-нора, убѣгавшую далеко на западъ. На югѣ тѣснились горы, среди которыхъ выдѣлялась каменная вершина Сэръ-чимъ, посеребренная недавно выпавшимъ снѣгомъ; это—вблизи Куку-нора, вдали же, все въ томъ же полуденномъ направленіи, гордо высилась къ небу еще болѣе величественная цѣпь горъ, отливавшая матовой бѣлизной массивнаго снѣгового покрова. Въ дивно-прозрачномъ воздухѣ стояла торжественная тишина, солнце пригрѣвало ощутительно, по ярко-синему фону неба, тамъ и сямъ, носились царственные пернатые: гималайскій грифъ, грифъ-монахъ и бородатый ягнятникъ, который нерѣдко, впрочемъ, пролеталъ вблизи насъ и давалъ любоваться на его гордый полетъ, величину и общую картину природы, которую онъ оживлялъ собою, безъ взмаха крыльевъ скользя по воздуху вдоль горъ...

На слѣдующій день, 15-го августа, экспедиція вступила на самый берегъ альпійскаго бассейна, когда Куку-норъ еще болѣе привѣтливо улыбнулся намъ. Передъ нами развернулась его лазоревая поверхность, олегка колыхавшаяся мягкими волнами, начавшими ублаживать насъ съ перваго дня монотоннымъ своимъ гуломъ. Въ тихую, ясную погоду Куку-норъ былъ просто обаятеленъ. Не озеро, а впечатлѣніе моря производилъ на всѣхъ насъ этотъ величественный бассейнъ. Его дѣйствительно грандіозный масштаб<sup>1)</sup>, убѣгающая за горизонтъ поверхность, окраска и соленость воды, глубина, высокія волны и по временамъ могучій прибой скорѣе даютъ понятіе о морѣ, нежели объ озерѣ. Мы, невольно, съ первыхъ до послѣднихъ дней пребыванія здѣсь, величали его моремъ... На устахъ моихъ спутниковъ я только и слышалъ:

<sup>1)</sup> Куку-норъ имѣетъ въ окружности около 350-ти верстъ. Его высота надъ моремъ 10.500 футовъ.

„Ой, какъ сегодня разбушевалось море, какъ высока морская изумрудная волна, какъ быстро и грозно несутся по морю серебряные барашки“ и проч.

Купанье въ Куку-норѣ превосходное; мы купались ежедневно по нѣскольку разъ. Легкость держаться на водѣ давала возможность отдаляться отъ берега на порядочное разстояніе, затѣмъ отдаться волѣ волнъ, чтобы вновь приблизиться къ берегу. Прозрачность воды такъ велика, что песчаное дно и плавающія по нему рыбы хорошо видны на значительной глубинѣ.

Но если Куку-норъ красивъ днемъ, то вечеромъ, въ особен- ность въ пріятную погоду, онъ поистинѣ очарователецъ, какъ былъ очарователемъ въ первый день вступленія экспедиціи на его берегъ. Солнце, совершивъ свой дневной путь, склонилось къ го- ризонту, отдавая одну часть лучей горамъ, другую же разливая по видимому намъ небосклону, картинно отражавшемуся въ доиѣ водъ. Прозрачное, тонко-перистое облачко, словно золотое кружево, тихо, стройно несло къ югу. Тамъ, въ горахъ, стояла полная тишина, успокоившая и Куку-норъ; онъ уже не бушевалъ, не сту- чалъ грозно о берегъ, а лишь только тихо шептался съ нимъ...

На слѣдующій затѣмъ день, чуть забрежжила на востокъ заря, нашъ лагерь пробудился. Сэръ-чимъ еще спалъ, на немъ въ видѣ покрывала лежала слоисто-кучевая тучка, вытянувшаяся вдоль гребня. Со стороны озера гоготали гуси, кричали и свистѣли на разные лады кулики, издавали клѣкотъ орланы; на мокрыхъ лу- гахъ проснулись большіе жаворонки и начали съ пѣсней подни- маться въ высь. Караванъ уже шагаль по мягкой проторенной дорогѣ. Блеснули лучи дневного свѣтила по Сэръ-чиму; тучка, не- бесная странница, поднялась вверхъ и растаяла... Черезъ часъ пронесся первый рѣзкій порывъ вѣтра, вскорѣ второй и третій; Куку-норъ нахмурилъ брови...

Мы слѣдовали южнымъ берегомъ; навстрѣчу то и дѣло попа- дались тангутскіе караваны изъ яковъ; номады перекочевывали съ одною края долины на другой, съ западнаго на восточный, гдѣ стояли нетронутыми богатые степныя пастбища. Показался, нако- нецъ, и центръ нашего притяженія — островъ Куйсу. Съ лугового откоса берега, гдѣ теперь проходилъ нашъ караванъ, открывалось еще большее пространство лазоревой и темно-голубой поверхности, по-прежнему скрывавшейся за горизонтъ. Куйсу, словно гигант- скій военный корабль, выступалъ изъ синихъ волнъ Куку-нора и манилъ къ себѣ своей неизвѣстностью.

Слѣдуетъ замѣтить вообще, что Куку-норъ изъ года въ годъ усыхаетъ, уровень его понижается, береговая линія сокращается.

Наблюдательные туземцы, въ особенности прежніе обитатели Куку-нора, — монголы, — передаютъ, что Куйсу растеть, что во времена давно прошедшія, какъ говорятъ старики, этотъ островъ былъ едва замѣтенъ, теперь же онъ представляется порядочной горкой.

17-го августа караванъ экспедиціи расположился лагеремъ въ ближайшемъ, со стороны южнаго берега къ Куйсу, урочищѣ Урто, гдѣ простоялъ около трехъ недѣль, пользуясь просторомъ и привольемъ кочевниковъ, отстоявшихъ отъ насъ версть на пять. Общая картина стоянки на Куку-норѣ такова; къ сѣверу, въ  $\frac{3}{4}$  версты, залегаетъ самый Куку-норъ; къ югу, въ шести верстахъ, тянутся горы, — западное крыло Сэръ-чима. Отъ горъ стремится рѣчка, пересѣкающая слегка покатую къ озеру долину и образующая вблизи берегового предпоследняго къ Куку-нору вала второстепенный, или частный, замкнутый озеровидный бассейнъ, до двухъ верстъ въ окружности. На этой самой рѣчкѣ, на возвышеніи третьяго берегового вала, сливающегося съ материковой равниной, мы и имѣли свой лагерь, откуда открывался широкій видъ во все стороны. Быстрая, прозрачная рѣченка оживляла нашъ бивакъ, капризно его опоясывая съ трехъ сторонъ. На рѣчку, а еще больше на сосѣднее озерко, постоянно прилетали гуси, утки, турпаны; по песчаному берегу самаго озера, большими или меньшими обществами, усаживались бакланы, чайки и одиночками, въ видѣ темныхъ точекъ, орланы.

Больше всего мнѣ нравились серебристо-бѣлыя чайки, молчаливы съ своимъ оригинальнымъ крикомъ пролетавшія или парившія надъ озеромъ... Любуюсь ими, прислушиваясь къ ихъ знакомымъ голосамъ, мысль частенько уносится на берега родныхъ озеръ, гдѣ тѣ же самые виды такъ же свободно проносятся вдоль рѣкъ и озеръ и такъ же свободно красиво рѣять на солнцѣ...

Съ приходомъ на Куку-норъ, мы достали изъ вьюковъ свою складную брезентную лодку и, бережно собравъ ее, начали производить пробное плаваніе, отдаляясь отъ берега до пяти верстъ и болѣе <sup>1)</sup>. Плаваніе производилось во всякую погоду: въ бурное и въ тихое состояніе Куку-нора. Въ общемъ пробныя плаванія по Куку-нору дали удовлетворительный результатъ. Лодка качалась

<sup>1)</sup> Глубина Куку-нора у берега почти сажениая; далѣе, постепенно увеличивается: черезъ версту уже простирается на пятнадцать метровъ, а черезъ пять-шесть верстъ отъ берега глубина возрастаетъ до 20—25 метровъ.

на волнахъ словно поплавокъ, слушалась весель и довольно ходко подвигалась въ желаемомъ направленіи; это — ея положительныя качества; къ отрицательнымъ же, въ частности, можно было отнести слѣдующія: непрочность весель, которыя въ мѣстѣ уключинъ съ первыхъ дней плаванія начали мочалиться, сами уключины сидѣли неустойчиво, борты широко расходились, отъ чего высокая волна постоянно захлестывала на дно лодки; словомъ, пришлось порядочно поработать, прежде нежели наше суденышко стало внушать къ себѣ хоть маленькое довѣріе, при мысли о попыткѣ сплавать на Куйсу... Деревянный ромбовидный поясъ, положенный по бортамъ, основательно скрѣпилъ всю лодку и брѣвко зажалъ уключины; весла же были снабжены кожаными накладками.

Испытывая лодку, надо было позаботиться о продовольственномъ снаряженіи, — ѣдѣ и питью, — о приспособленіи измѣрительныхъ и другихъ инструментовъ, в также выяснить вопросъ о составѣ участниковъ плаванія. Точкой отправленія должно было служить безымянное урочище, отстоящее отъ нашего Уртоскаго лагеря въ 7-ми верстахъ къ западу и 4-хъ верстахъ отъ берегового „обо“, служащаго указателемъ пути для паломниковъ-номадовъ, имѣющихъ сообщеніе съ Куйсу зимой, по льду.

Такимъ образомъ, среди интересныхъ занятій, незамѣтно промелькнула первая недѣля пребыванія на Куку-норѣ. Мы неустанно, по-прежнему, заняты были этимъ оригинальнымъ бассейномъ, слѣдя ежедневно за состояніемъ его поверхности, которая не всегда и не вездѣ бывала одинаковой. Такъ, напримѣръ, юго-восточный заливъ Куку-нора тихъ, спокоенъ, отлиываетъ предестнымъ лазурнымъ отблнкомъ небесъ, тогда какъ сѣверный районъ озера уже порядкомъ колыхается изумрудными волнами; въ то же самое время съ сѣверо-запада бѣгутъ темныя высокіе валы, украшенные барашками. Изъ тихаго въ бурное состояніе Куку-норъ переходитъ сравнительно очень скоро и, наоборотъ, долгое время не успокаивается послѣ болѣе или менѣе серьезнаго шторма.

Тихъ ли, взволнованъ ли Куку-норъ, всегда онъ величественно прекрасенъ. Часами я просиживалъ на его берегу, или далеко уходилъ вверхъ или внизъ отъ бивака, никогда не уставая смотрѣть на его безконечный водный горизонтъ, какъ одинаково не уставалъ и слушать его монотонный прибой, напоминавшій мнѣ берегъ Крыма.

Въ первую очередь плаванія на Куйсу я назначилъ самого себя. Все было приготовлено къ вечеру. 28-го августа я съ урядникомъ Полютовымъ перекочевалъ къ точкѣ отправленія. Куку-норъ успокаивался, солнце скрылось за чистый, прозрачный гори-



зонть <sup>1)</sup>; барометръ стоялъ хорошо. Сумерки легли на землю. Едва потухла солнечная заря на западѣ, какъ на востокѣ всплыла луна, чудно озарившая всю видимую поверхность Куку-нора. Досадоваль я на себя, что не приготовился къ отплытію на Куйсу днемъ раньше, чтобы воспользоваться сегодняшнимъ состояніемъ погоды.

Вдоволь нагулявшись по берегу и насладившись лаской природы, я отправился въ палатку, чтобы уснуть... Море также дремало; абсолютной тишины воздуха ничто не нарушало. Моряки, можетъ быть, справедливо не любятъ подобнаго затишья, замѣчая, что оно часто бываетъ зловѣще... Въ два часа ночи меня разбудилъ Куку-норъ, со страшною силою ударившій о берегъ тяжелыми волнами... Къ разсвѣту, ко времени нашего предполагавшагося отплытія, онъ разсвирѣпѣлъ еще больше. Пришлось смириться и ждать у моря погоды. Къ полдню начало было стихать, и мы нѣсколько разъ пытались отчалить отъ берега, напрасно—девятый или двѣнадцатый валъ сердито отбрасывалъ насъ обратно къ берегу.

Возвратившись на главный бивуакъ, я предложилъ моимъ сотрудникамъ г.г. Чернову и Четыркину перебраться къ точкѣ отправленія и терпѣливо выжидать лучшаго состоянія Куку-нора. Они были счастливѣе меня; уѣхавъ въ безымянное урочище 30-го августа, на слѣдующій день, въ 1 ч., мои товарищи оставили берегъ, съ мыслью, если поверхность озера не успокоится, прослѣдовать хотя бы до половиннаго разстоянія. Однако, по мѣрѣ удаленія отъ берега, погоды стала улучшаться, вѣтеръ окончательно стихъ, волны понизились. Обрадованные этимъ обстоятельствомъ, мои сотрудники поплыли смѣлѣе, съ большей надеждой на осуществленіе предпріятія. Прошло пять часовъ непрерывной тяжелой работы съ веслами; большая половина разстоянія, отдѣлявшаго берегъ отъ острова, осталась позади, хотя самый островъ ничуть не выдѣлялся крупностью очертаній. Товарищи сильнѣе налегли на весла; еще прошелъ томительный часъ, а островъ по-прежнему, для глазъ, отстоялъ далеко; желаніе во что бы то ни стало добраться до Куйсу подняло было энергію и повысило силы. Между тѣмъ, совершенно незамѣтнымъ образомъ спустились на воду сумерки, поднялся вѣтеръ, быстро разведшій сильное волненіе. Съ каждымъ послѣдующимъ десятию минутами становилось темнѣе и темнѣе; островъ уже давно

---

<sup>1)</sup> Облаковъ вообще не было, за исключеніемъ сѣверной части неба, гдѣ они сблизясь въ небольшую, сѣрую, тучеобразную массу, сливавшуюся съ поверхностью Куку-нора.

исчезъ изъ наблюдений. Высокая волна то и дѣло обдавала студеной струей, заливая дно лодки. Товарищи надѣялись исключительно на собственные силы, но запасъ ихъ понемногу началъ истощаться; работая веслами, борясь въ темнотѣ съ пѣнистыми валами, они подбадривали другъ друга предположеніемъ о близости острова. Еще томительные полчаса, еще четверть часа, еще пять минутъ... и вдругъ, словно темное чудовище, всталъ Куйсу. Наши путники счастливо очутились у мягкаго, доступнаго для лодки берега; справа и слева позвышались скалы... Можно представить себѣ, съ какою радостью мои сотрудники вступили на землю Куйсу... Въ избыткѣ пріятныхъ чувствъ товарищи поздравили другъ друга съ успѣхомъ. Тѣмъ временемъ облака порѣдѣли, выкатилась луна; Куйсу, его южный скатъ, предсталъ во всей красѣ. Усталость, голодъ и холодъ (отъ мокрыхъ одеждъ) на время были позабыты.

Всего мои сотрудники пробыли на водѣ, не расставаясь съ веслами, семь съ четвертью часовъ, въ теченіе которыхъ проплыли около тридцати верстъ. Лодка значительно намокла и, будучи, при томъ наполнена на треть водою, представляла такую тяжесть, съ которой усталые товарищи не могли справиться, не могли вытащить лодку на берегъ, прежде нежели не освободили ее отъ общаго груза. Только тогда они вытащили ее на берегъ, опрокинули, сдѣлавъ себѣ нѣчто въ родѣ навѣса, подъ который и сирятались. Подкрѣпившись затѣмъ коньякомъ, яйцами и чаемъ, мои сотрудники думали уснуть, но не тутъ-то было; ихъ морские костюмы не давали имъ покоя; товарищи почувствовали сильный ознобъ, признакъ лихорадки, и не долго думая, пошли бродить по острову въ направленіи къ обо и кумирнѣ, расположеніе которыхъ имъ было хорошо извѣстно еще до прибытія на Куйсу изъ многочисленныхъ наблюдений въ бинокль или астрономическую трубу съ берега. По дорогѣ къ обо мои сотрудники наткнулись на лошадь, тревожно заржавшую и быстро отскочившую въ сторону. Это открытіе навело ихъ на пріятную мысль о присутствіи людей. Осмотрѣвъ обо и кумирню, товарищи вернулись было къ лодкѣ, но вскорѣ вновь пошли гулять по острову, на этотъ разъ въ другую сторону, вдоль берега, когда попали на жильѣ челоуѣка, обставленное оградой, откуда на нашихъ путниковъ смотрѣло съ любопытствомъ стадо ковъ и барановъ. Боясь испугать кого-нибудь, товарищи послѣдовали дальше, вскорѣ найдя маленькую свободную пещерку, съ запасомъ топлива (аргаалъ). Здѣсь, какъ Робинзоны, добыли огня, устроили костеръ, согрѣлись, обсушились и только въ два часа ночи, согнувшись въ три погибели, могли забыться сномъ.

Утромъ, 1-го сентября, по выходѣ изъ пещеры г.г. Черновъ и

Четыркинъ увидѣли, шагахъ въ полтораста отъ себя, дымъ, тонкой струей поднимавшійся изъ пещернаго жилища. Зайдя къ лодкѣ и захвативъ тамъ хадакъ и подарки, взятые на всякій случай, товарищи отправились съ визитомъ къ невидямому еще отшельнику. Приблизившись къ пещерѣ, они услышали голосъ монаха, отправлявшаго утреннія молитвы: „ом-ма-ни-па-дмэ-хумъ“, т. е. „О сокровище лотоса“. Чтобы дать понять о своемъ приближеніи и намѣреніи войти, С. С. Четыркинъ громко кашлянулъ, невидимый отшельникъ сталъ энергичнѣе молиться, голосъ его усилился, задрожалъ и сталъ обрываться, когда же товарищи вошли въ пещеру, монахъ былъ въ ужасѣ: вытянулъ физиономію, затрясся, расширилъ зрачки и, показывая на горло пальцемъ, скороговоркой твердилъ: „тэр-занда-тэр-занда“,—что значить „что дѣлать, что дѣлать“. Товарищи, насколько могли, успокаивали отшельника, заматавшагося по жилищу въ цѣляхъ угощенія неожиданныхъ, негаданныхъ гостей. Долгое время монахъ не могъ придти въ себя, да, вѣроятно, и не пришелъ бы, если бы товарищи не показали ему лодку, при видѣ которой отшельникъ улыбнулся, просіялъ и далъ себѣ разумный отчетъ, что имѣетъ дѣло съ обыкновенными людьми, а не съ тѣми, которые наполняли его воображеніе...

Знакомство съ остальными двумя отшельниками, обитателями острова, такими же, какъ и первый тангутами-ламами <sup>1)</sup>, произошло

<sup>1)</sup> Одинъ изъ ламъ считалъ себя выходцемъ изъ Лаврана, второй—изъ Гумбума, третій остался не выясненнымъ.

Весьма интересны нѣкоторыя подробности о монахахъ. А. А. Черновъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „Подремавъ немного до восхода солнца, мы пошли къ лодкѣ. Стояла тишина, озеро тихо плескалось. Хребетъ Потанина былъ окутанъ снѣжно-бѣлыми кучевыми облаками, а надъ ними, послѣ голубого промежутка, висѣла еще лента облаковъ. Въ 7 часовъ утра температура воды въ озерѣ была 11,3°, въ воздухѣ было только 6,4°. Мы стали приводить въ порядокъ свое имущество: одно—мыть, другое—сушить.

„Изъ обитаемой пещеры курился дымокъ. Мы ждали ея хозяина. Замѣтивъ насъ издали, около лодки, онъ, можетъ быть, былъ бы не такъ испуганъ, какъ при нашемъ появленіи въ его жилищѣ. Но время шло, а тишина ничѣмъ не нарушалась. Мы рѣшили нанести визитъ.

„Овцы были еще внутри загородки. Изъ пещеры слышалось монотонное бормотанье: очевидно, въ ней былъ одинъ человѣкъ, занятый молитвой. Не входя еще въ пещеру, мы привѣтствовали его по-монгольски. Въ отвѣтъ онъ только повысилъ голосъ, но не вышелъ. Когда мы вошли въ жилище отшельника, онъ сидѣлъ на особомъ возвышеніи передъ раскрытой книгой, впереди которой стояли молитвенныя чашечки и блюдечки.

„Увидя насъ, монахъ вскоцилъ. Онъ былъ необыкновенно испуганъ. Руки его тряслись, зрачки расширились. Принявъ привѣтственный хадакъ, онъ послѣшво сталъ усаживать неожиданныхъ гостей на полу, бросивъ туда шкуру. Передъ нами, какъ по волшебству, появились чуть ли не всѣ

болѣе спокойнымъ образомъ, хотя, впрочемъ, это только съ вторымъ; что же касается до третьяго, болѣе дикаго, то онъ сильно смутился, несмотря на то, что свиданіе происходило въ присутствіи его обоихъ товарищей.

Четыре дня прожили мои сотрудники на островѣ Куйсу, занимаясь его изученіемъ и знакомись съ бытомъ истыхъ монаховъ. Геологъ экспедиціи, А. А. Черновъ, даетъ болѣе подробное описаніе о побѣдѣ или плаваніи на Куйсу, я же касаюсь лишь основныхъ ея чертъ, усвоенныхъ подъ впечатлѣніемъ первыхъ живыхъ разсказовъ возвратившихся на берегъ товарищей.

Островъ Куйсу расположенъ почти посрединѣ Куку-нора, нѣсколько ближе къ южному берегу, и ориентированъ съ сѣверо-сѣ-

сѣвные припасы, какими обладалъ лама. Скороговоркой, заплетающимся языкомъ онъ все время выкрикивалъ слова молитвы или заклинаніе, временами проводя пальцемъ по горлу и насильственно улыбаясь. Схвативъ большую чугунную чашу, монахъ выбѣжалъ изъ пещеры и сталъ поспѣшно донть козъ. Теперь можно было различить непрестанно повторяемое слово: „тэр-занда да-тэр-занда-да, тэр-занда, да-тэр-занда-да“. („Что дѣлать. Что дѣлать“.—Какъ послѣ перевели намъ).

„Подонвъ козъ, онъ поставилъ котелъ на огонь. Увидявъ, что мы ѣдимъ, какъ обыкновенные смертные, онъ сталъ понемногу успокаиваться, чаще улыбаясь, но не сводилъ съ насъ глазъ, почти не мигая. Быстро перебиралъ свои четки, изрѣдка шевеля губами.

„Угощеніе состояло главнымъ образомъ изъ молочныхъ продуктовъ: простокваша, сушеннаго творогу—„чюры“—и масла. Кромѣ нихъ, у монаха оказался молотый ячмень („дзамба“) и кирпичный чай—очевидно, дары паломниковъ. Была предложена и баранья нога въ томъ же овамѣломъ состояніи, въ какомъ мы нашли баранину въ нашемъ убѣжищѣ. Отъ чая и отъ остальныхъ блюдъ мы отказались, зато оказали честь простоквашѣ, очень вкусной, приготовленной чище другихъ продуктовъ.

„Во время нашей ѣды монахъ снова сѣлъ для молитвы. Онъ ссыпалъ съ тарелочекъ гальку и вылилъ изъ мѣдныхъ чашечекъ воду, тщательно ихъ вытирая. Кромѣ этихъ предметовъ на божницѣ были „даца“—глиняныя фигурки небольшихъ бурламовъ и одинъ рисованный бурланъ. Лама читалъ по очень длинной и узкой книгѣ, листы которой не были сшиты.

„Когда отшельникъ кончилъ свою молитву, мы наконецъ просили его слѣдовать за нами и привели къ лодкѣ. Осмотрѣвъ ее и остальное наше имущество, онъ совершенно успокоился, очевидно повялъ, откуда и какъ появились въ его владѣніяхъ чужакомцы, прѣхавшіе въ совершенно необычное для посѣщеній острова время года. Врученный ему подарокъ—парочивый ножикъ и жестяная коробка изъ подъ сушеной капусты—установилъ между нами уже прочныя дружественныя отношенія. Монахъ пригласилъ насъ слѣдовать за собой, показывая, что на островѣ есть еще двое такихъ же, какъ онъ, обитателей.

„Мы пошли на западъ, по самому берегу подъ скалами за жилище перваго монаха, и вскорѣ увидали еще болѣе солидную постройку, но преж-

веро-запада на югъ-юго-востокъ. Онъ слагается изъ гранита, біотита, гнейса, сильно обнаженныхъ у береговъ и на возвышенныхъ частяхъ острова, въ прочахъ же мѣстахъ, прикрытыхъ слоемъ песчано-глинистой почвы большей или меньшей мощности, одѣтой въ свою очередь пышнымъ ковромъ травянистой растительности. Относительная высота гребня Куйсу простирается до двухсотъ футовъ; длина же береговыхъ очертаній не превышаетъ четырехверстнаго разстоянія, при длинѣ острова по оси менѣе двухъ верстъ и наибольшей ширинѣ, приблизительно у середины, до полуверсты.

Наибольшая скалистость острова выражена вдоль южного и запад-

вяго, такъ сказать „пещернаго“ типа. На голосъ нашего проводника ея хозяинъ вышелъ къ намъ навстрѣчу. Между сосѣдями завязался оживленный разговоръ, въ которомъ нашъ первый знакомецъ выступалъ уже въ роли толкователя. Новый обитатель острова удивленно поглядывалъ на насъ. Онъ показавъ намъ свое помѣщеніе и кумиренку, построенную рядомъ съ нимъ. Она была расположена тоже въ естественной громадной нишѣ среди скалъ, и только передняя часть ея была обдѣлана и къ ней пристроенъ входъ, имѣвшій даже дверцы и родъ стѣней. Въ кумирнѣ, быстро суживающейся внутрь отъ входа, вдоль стѣнъ, стояли бурханы, въ одномъ непрерывномъ ряду; въ числѣ 21-го они были сдѣланы изъ глины, имѣли одинаковый размѣръ, около одного аршина высотой, и представляли главнѣйшимъ образомъ сидячую фигуру самого Будды.

„Послѣ осмотра кумирни мы пошли къ третьему отшельнику. Въ одномъ мѣстѣ пришлось подняться на скалы и вновь спуститься къ водѣ. Наконецъ, внутри большого углубленія, среди скалъ, мы увидали входъ въ пещеру. На вызовъ одного изъ нашихъ спутниковъ лама откликнулся, но не вышелъ, продолжая молиться. Зато онъ положительно остолбевѣлъ, когда, отведя глаза отъ книги, увидалъ прежде всего моего товарища. Долго онъ, не говоря ни слова, переводилъ глаза по очереди на каждого изъ вошедшихъ. Наши спутники тоже не сразу заговорили, наблюдая то впечатлѣніе, какое произвело на нихъ собрата наше неожиданное появленіе.

„Монахи были людьми пожилыми, но еще далеко не старыми. Первый изъ нихъ, очевидно, болѣе молодой, былъ гладко выбритъ и имѣлъ видъ обычнаго служителя Будды. Остальные давно уже совершенно перестали заниматься своей наружностью: отросшіе волосы торчали у нихъ въ равныя стороны, представляя своеобразные головные уборы. Всѣ монахи, очевидно, были тангутами: первый и второй — типичными брюнетами, третій — съ болѣе свѣтлой кожей и волосами. Видъ послѣдняго отшельника положительно напоминалъ декаго человѣка: взглядъ его былъ блуждающимъ, изъ рта торчали зубы. На немъ, какъ и на другихъ монахахъ, была баранья шкура, но она имѣла только отдаленное сходство съ формой человеческой одежды. На ногахъ были пшакіе сапоги, кое-какъ сшитые изъ кусковъ бараньей шкуры мѣхомъ внутрь. Характеръ его былъ необщительнымъ и угрюмымъ: мы совсѣмъ не видали на его лицѣ улыбки, — очевидно онъ совсѣмъ отвыкъ и уже не могъ улыбаться. Второй лама тоже былъ сосредоточенъ, зато первый отличался противоположнымъ характеромъ: подвижной, постоянно смѣющейся, онъ все время оживленно болталъ“.

наго береговъ, вдоль прочихъ Куйсу поднимается мягкими пологими скатами. Растительность острова та же, что и на южномъ побережь Куку-нора; ключей или источниковъ не имѣется. Довольствуются отшельники и ихъ скотъ дождевой водой, собираемой въ специально устроенныя углубленія.

Помимо кумирни и обо, устроенныхъ на вершинѣ острова, Куйсу украшенъ субурганями, молитвенными пещерами, второстепенными обо и проч. Въ кумирнѣ и пещерахъ имѣются довольно интересныя старинныя бурханы.

Главное занятіе отшельниковъ—систематическое отправленіе богослуженія, переписываніе молитвъ, приготовленіе многочисленныхъ „цаца“. Въ же этихъ занятій они возятся со скотомъ—баранами и козами, общее число которыхъ простирается до ста—пятидесяти головъ. Каждый монахъ живетъ въ отдѣльной пещерѣ съ оградой для собственнаго стада. Животныя пасутся всѣ вмѣстѣ, но при возвращеніи съ пастбы раздѣляются на три группы, при чемъ каждая, самостоятельно, направляется съ своему стойбищу. Лошадь—достояніе общее.

У монаховъ сосредоточены большіе запасы сухого творога (чюра), масла, топлива (аргалъ). Отшельники питаются исключительно молочными продуктами, чѣмъ ежедневно любезно угощали в монахъ сотрудниковъ.

На островѣ, въ сосѣдствѣ съ монахами и ихъ стадами, живутъ восемь лисицъ; вѣроятно есть и щуки и другіе болѣе мелкіе грызуны. Что же касается птицъ, то здѣсь преобладающими видами являются изъ отрядовъ плавающихъ и голенастыхъ: гуси, утки, турпаны, бакланы, разнообразныя кулики и проч.; особенно много баклановъ и чаекъ, обыкновенно усаживающихся на скалистые берега или на песчанья отмели. У береговъ острова постоянно держится рыба, большими или меньшими стаями разгуливающая на солнцѣ <sup>1)</sup>. При спусканіи баклановъ на воду эти стаи рыбъ направляются въ сторону птицъ и слѣдуютъ за ними на далекія разстоянія. И здѣсь за рыбой охотятся орланы, тамъ и сямъ сидящіе на скалахъ; замѣченъ, также и одинокій, вѣроятно пролетный, коршунъ, кружившійся надъ пещерами или пролетавшій съ одной стороны острова на другую.

Въ зимнее время отшельники разнообразятъ свое прозябаніе: сюда, по льду, приходятъ паломники; впрочемъ, ледяная поверхность

<sup>1)</sup> Интересно, что въ Куку-норѣ имѣтъ рыбъ большихъ размѣровъ; самые крупныя экземпляры не превышаютъ аршина длины и вѣса пяти—шести фунтовъ.

Куку-нора не каждую зиму бываетъ доступна для передвиженія изъ-за непрочности самаго льда и образованіемъ многочисленныхъ трещинъ.

Съ вершины Куйсу открывается красивый видъ на всѣ четыре стороны. Прекрасно виденъ маленький скалистый островокъ, расположенный къ юго-западу и особенно рельефно выдѣляется мысъ или полуостровъ на западѣ. Сѣвернаго берега мои сотрудники не видѣли вовсе, тогда какъ южный выдѣлялся отчетливо.

Неоднократные разспросы у туземцевъ, равно и личные наблюденія относительно пребыванія въ Куку-норѣ какой-либо формы ластоногаго животнаго, не дали положительныхъ результатовъ, за исключеніемъ свѣдѣній, добытыхъ отъ спинискаго дио-тай'я, который утверждалъ, что видѣлъ шкуру звѣря, наловленнаго въ куку-норскихъ водахъ, очень сходную по описанію съ таковой, про которую впервые сообщаетъ В. А. Обручевъ. Видѣть эту интересную находку намъ лично не удалось, такъ какъ она, говорятъ, давно увезена на пекинскій рынокъ.

Пятаго сентября, послѣ часового барометрическаго и метеорологическаго наблюденія, мои сотрудники покинули Куйсу и гостепріимныхъ отшельниковъ, которые приглашали „первыхъ лѣтнихъ гостей“ и „первыхъ иностранныхъ посѣтителей“ прожить до зимы, чтобы вернуться на берегъ болѣе безопаснымъ способомъ, а не въ этой скорлупкѣ, показывая на лодку, говорили провожавшіе монахи, покачивая головами...

На обратномъ пути товарищи произвели четыре промѣра, давшіе слѣдующіе результаты: первый промѣръ, въ непосредственной близости Куйсу, показалъ максимальную глубину южной части бассейна <sup>1)</sup>, выразившейся тридцатью семью метрами, второй и третій промѣръ, пришедшіеся на серединѣ общаго разстоянія, оказались одинаково глубокими—въ тридцать пять метровъ и послѣдній, въ разстояніи пяти-шести верстъ отъ берега Куку-нора, вышелъ вполне согласнымъ съ уже произведеннымъ промѣромъ при пробныхъ испытаніяхъ лодки, а именно въ двадцать пять или немного болѣе метровъ. Температура поверхностнаго слоя воды Куку-нора 14,5° С. Дно прибрежной полосы, шириною отъ пяти до восьми верстъ, песчаное, далѣе илистое.

Въ обратномъ плаваніи товарищи пробыли на водѣ восемь съ четвертью часовъ, стараясь держать курсъ прямо на главный бивуакъ—урочище Урто. И на этотъ разъ мои сотрудники, прибли-

<sup>1)</sup> Если условно, конечно, считать Куйсу гранью, дѣлящей весь Куку-норъ на сѣверную и южную части бассейна.

жаясь къ берегу, выдержали сильную трепку и страшную усталость.

Пока г. г. Черновъ и Четыркинъ плавали по Куку-нору, я совершилъ стонерстную охотничью экскурсію въ южно-куку-норскія горы. При моемъ возвращеніи на главный бивуакъ, Ивановъ радостно объявилъ мнѣ: „вчера, т. е. перваго сентября, на Куйсу была ракета“. Этимъ давалось понять, что наша „скорлунка“ доставила путниковъ на островъ. У меня съ товарищами было условлено, что съ ихъ отплытіемъ отъ берега, на главномъ бивуакѣ будутъ ежедневно, въ 9 час., вечера слѣдить за Куйсу, за появленіемъ двухъ ракетъ. Первая ракета должна быть пущена въ день вступленія на Куйсу или на слѣдующій, вторая—наканунѣ оставленія острова. „Маленькой огненной змѣйкой мельнула ракета и ободрила насъ“, повторилъ мнѣ нѣсколько разъ мой неизмѣнный спутникъ Ивановъ. „Слава Богу“, говорю я, „теперь будемъ слѣдить за второй вѣсточкой товарищей“. Три вечера подрядъ, второго, третьяго и четвертаго сентября, стоялъ и я у астрономическаго столбика, окруженный своими спутниками, а также сининскими китайцами и алашаньскими монголами подводчиками. Всѣ мы собирались минуѣ за десять до условнаго времени и, вперивъ глаза въ непроглядную тьму, по направленію Куйсу, стояли словно на молитвѣ. Къ девяти часамъ тишина превращалась въ святую, торжественную; все смолкало; слышны были лишь удары часовъ, которые я держалъ въ рукѣ, слѣдя за временемъ. Въ послѣдній вечеръ, четвертаго сентября, ровно въ девять часовъ, ночную тьму прорѣзалъ огненный штрихъ, блеснувшій на одинъ моментъ. Гробовая тишина была тотчасъ нарушена радостными голосами, особенно громкими въ устахъ китайцевъ и монголовъ, не видѣвшихъ появленія первой ракеты...

На другой день, въ девять часовъ вечера, когда Куку-норъ началъ порядочно постукивать въ берегъ, а наша надежда на ожиданіе блѣднѣть, и слышались голоса своихъ товарищей, подошедшихъ къ палаткѣ. Радости нашей не было конца.— Пошли безконечные спросы и распросы, рассказы и пересказы, которые, повторяю, и легли въ основу вышеприведеннаго описанія плаванія на Куйсу.

Съ возвращеніемъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ изъ плаванія, экспедиція перенесла свой лагерь на двѣнадцать верстъ восточнѣе, къ основанію полуострова или мыса Чоно-шахалуръ, т. е. Волчій загонъ, оканчивающагося узкой песчаной косой, вдавшеюся въ озеро. Съ этой косы С. С. Четыркинъ съ урядникомъ Полютовымъ произвелъ два плаванія: къ сѣверу—на семь персть, и юго-востоку—



обратно на берегъ, на пятнадцать; первое плаваніе въ области открытыхъ водъ Куку-нора, второе—въ заливѣ, образуемомъ съ одной стороны косою полуострова, съ другой—прилежащимъ къ ней берегомъ Куку-нора. На послѣднемъ плаваніи, приближительно у середины, случилась непріятность: желѣзная поперечная скрѣпа лодки лопнула, что вызвало расхожденіе бортовъ, отказъ уключинъ и быстрый поворотъ лодки въ сторону. Борясь съ порядочной волной, наши путники едва справились съ лодкой, ея мало-мальской починкой и успѣшили выброститься на берегъ...

На этомъ наши работы на Куку-норѣ и окончились. Я считъ вторую задачу экспедиціи послѣдно выполненной и отдалъ распоряженіе къ выступленію въ обратный путь къ Синину, котораго мы и достигли шестнадцатаго сентября.

Въ Сининѣ мы радостно встрѣтились съ нашимъ товарищемъ П. Я. Напалковымъ, успѣшно совершившимъ разъѣздъ въ провинціи Гань-су.

Разъѣздъ капитана Напалкова охватилъ своимъ маршрутомъ большій районъ, нежели тотъ, который предполагался въ началѣ; кромѣ того самый маршрутъ удачно расположенъ по отношенію къ мѣстамъ, изслѣдованнымъ нашими предшественниками. Такимъ образомъ моему помощнику удалось посѣтить совершенно невѣдомый уголъ Гань-су и впервые поставить на карту названіе девяти новыхъ городовъ.

На этотъ разъ сининскія власти отвели для экспедиціи отличный домъ, спеціально для экстренныхъ потребностей, расположенный въ центрѣ Синина, и встрѣтили насъ, какъ говорится, съ распростертыми объятіями. Они уже были освѣдомлены черезъ посредство переводчика и кавалеристовъ, прибывшихъ въ Сининъ наканунѣ нашего вступленія, о всемъ томъ, чѣмъ мы занимались на Куку-норѣ, и какъ къ намъ учтиво относились куку-норскіе обитатели, а главное, что мы всѣ цѣлы—живы и здоровы, изъ насъ никто не утонулъ. Цинъ-цай и прочіе чиновники Синина, при встрѣчѣ съ нами, повторяю, исключительно говорили о нашемъ плаваніи по Куку-нору, о посѣщеніи острова, и всѣ они съ большимъ интересомъ разсматривали лодку, въ собранномъ и разобранномъ видахъ, а также просили показать г. г. Чернова и Четыркина, ихъ руки, на которыхъ все еще сохранялись основательныя мозоли. Въ концѣ концовъ Цинъ-цай сказалъ: „вы, русскіе, первые плавали по Куку-нору, первые сказали намъ о глубинѣ Цинъ-хай'я и первые иностранцы, посѣтившіе островъ Куфсу или Хай-син-шань; обо всемъ этомъ и непременно сообщу въ Пекинъ“.

Чтобы не ослаблять прекрасныхъ отношеній и того хорошаго впечатлѣнія, которое я получалъ послѣ каждаго новаго свиданія съ сининскими властями, я счелъ излишнимъ напоминать прежнія увѣренія Циц-цай'я о томъ, что въ Куку-норѣ тоуютъ не только камни, но и дерево,—это было само собою очевидно...

По приглашенію чжэн-тай'я, командующаго войсками, я, почти со всѣми моими спутниками, присутствовалъ на военномъ смотрѣ китайской пѣхоты и кавалеріи. На меня этотъ смотръ произвелъ впечатлѣніе серьезнаго улучшенія сравнительно съ тѣмъ, что я наблюдалъ восемь—девять лѣтъ тому назадъ. Китайскіе офицеры и солдаты, въ значительной мѣрѣ, усвоили себѣ японскую тактику, впрочемъ самими японцами уже оставленную. Войска были представлены на смотрѣ хорошо одѣтыми (въ старой формѣ), кавалеристы на отличныхъ, мѣстной породы, лошадяхъ. Традиціонныя большіе флаги здѣсь еще не отмѣнены и по-прежнему составляютъ гордость китайской кавалеріи. Примѣрная стрѣльба холостыми выстрѣлами изъ пистолетныхъ ружей (одноварядныя скорострѣлки берегутся), велась толково, залпы не срывались. Молодые офицеры значительно превосходятъ выправкой и молодечествомъ своихъ старыхъ товарищей, какъ равно и нижніе чины, молодежь, съ нетерпѣніемъ ожидающая полнаго измѣненія уставовъ на европейскій ладъ.

На смотрѣ китайскихъ войскъ присутствовало много окрестныхъ тангутовъ, заранѣе прибывшихъ въ Сининъ специально для этой цѣли. Нарядные, богатые номады, на общемъ плацу, въ сторонѣ, часто запускали своихъ рѣзвыхъ иноходцевъ, представляя зрѣлище не менѣе занятное, чѣмъ китайскія войска.

Въ Сининѣ, между прочимъ, члены экспедиціи имѣли удовольствіе познакомиться съ англійской семьей Н. French Ridley, проживающей въ качествѣ миссіонеровъ. Въ кругу симпатичныхъ англичанъ мы прекрасно проводили часы досуга, вспоминая культурныя страны. Н. French Ridley также интересовался нашимъ плаваніемъ по Куку-нору и всегда, въ подходящихъ случаяхъ, сводилъ бесѣду на эту тему. Будучи старожиломъ Синина, любезный миссіонеръ далъ намъ много цѣнныхъ свѣдѣній про мѣстный край, равно въ значительной мѣрѣ способствовалъ приращенію нашей этнографической коллекціи путемъ пріобрѣтенія образцовъ таковой у мѣстныхъ обитателей.

Въ Сининѣ же, благодаря улучшенію почтоваго сообщенія вообще въ Китаѣ, мы получили порядочно писемъ, точно также и сами могли отправить лишнюю вѣсточку на далекую дорогу родину. Какъ всегда, письма приносятъ однимъ радостныя извѣстія, другимъ печальныя; такъ было и теперь. Нашъ А. А. Черновъ

получилъ новыя грустныя свѣдѣнія изъ дома в. въ силу необходимости, принужденъ былъ отправиться въ Россію преждевременно. На обратномъ пути черезъ Алашань и среднюю Монголію геологъ экспедиціи долженъ былъ производить геологическо-географическія изслѣдованія до отечественной границы.

Пользуясь случаемъ, я отправилъ въ Алаша-ямынь, на складъ экспедиціи, семь лишнихъ вьюковъ—преимущественно коллекцій. Въ дальнѣйшемъ пути мы перешли съ верблюдовъ на муловъ, которые отличаются рѣдкой способностью хорошо двигаться въ горахъ, но зато и требуютъ внимательнаго ухода и хорошей обильной кормежки. Хорошій мулъ везетъ, повидимому, безъ особеннаго труда, грузъ до шести—семи пудовъ, строго уравновѣшенный по обѣимъ сторонамъ животнаго.

Какъ мы ни старались сократить багажъ, число вьюковъ осталось прежнее,—двадцать два,—что съ одинадцатью верховыми мулами составило караванъ, растигивающійся по дорогѣ на значительное разстояніе.

Такимъ образомъ городъ Сининъ экспедиція оставила двумя караванами, выступившими разновременно. Верблюжій караванъ, во главѣ съ А. А. Черновымъ, выступилъ 27-го сентября; съ геологомъ отправлены двое забайкальскихъ казаковъ, Бадмажаповъ и Содбоевъ, первый изъ которыхъ долженъ былъ вернуться въ экспедицію изъ Алаша-ямыня, второй—по достиженіи геологомъ Урги, изъ этого города на складъ экспедиціи.

Главный же караванъ экспедиціи покинулъ Сининъ 30-го сентября, а 3-го октября уже благополучно прибылъ въ оазисъ Гуй-дуй и пересѣкъ на пути высокій альпійскій хребетъ по перевалу Ла-дин-линъ, поднимающемуся надъ уровнемъ моря до 13,000 футовъ.

П. Козловъ.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

